

Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области
«Государственный гуманитарно-технологический университет»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания РАН

Проблемы фоносемантики

Материалы Международного
научного семинара
(Орехово-Зуево, 23-25 ноября 2016 года)

Москва-Орехово-Зуево, 2016

УДК 81'23
ББК Ш101
П781

Редколлегия:

доктор филологических наук, профессор **А.В. Пузырёв** (Орехово-Зуево; отв. редактор);

доктор филологических наук, профессор **Е.Ф. Тарасов** (Москва);

доктор филологических наук, профессор **О.И. Бродович** (С.-Петербург).

*Печатается по решению оргкомитета
Международного научного семинара
«Проблемы фоносемантики»*

П 781 Проблемы фоносемантики: Материалы Международного научного семинара (Орехово-Зуево, 23-25 ноября 2016 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет»; М.: Ин-т языкознания РАН, 2016. – 86 с.

В сборнике представлены результаты исследований по актуальной проблеме психолингвистики – «фоносемантика». Особое внимание уделено рассмотрению общетеоретических аспектов фоносемантики и проблемы «фоносемантика в художественной речи».

Предназначено лингвистам, психологам, студентам, специалистам смежных областей знания.

ISBN 978-5-87471-223-5

© Коллектив авторов, 2016

ОТ РЕДАКТОРА

Кажется, это было вчера. Встретились мы со Станиславом Васильевичем Ворониным, если мне не изменяет память, в университетском лагере Одесского госуниверситета осенью 1987 года. Одесский университет на базе своего лагеря тогда проводил большое всесоюзное совещание «Семантика целого текста». Станислава Васильевича (далее – С.В.) до этой встречи я знал только по работам. Мы разговорились на темы фоносемантики. Я, тогда ещё относительно молодой кандидат наук, показал С.В. свою статью о парадигматике и синтагматике в сфере фоносемантических средств. Он прочёл её внимательно и раскритиковал. Мягко, интеллигентно, он показал мне некоторую непоследовательность моих построений. Меня поразило тогда редкое сочетание логичности и тактичности в этих критических замечаниях. Поразило приятно, потому что заставило задуматься о повышении чёткости своих исходных теоретических построений.

Тогда и родилась идея провести в Советском Союзе первую фоносемантическую конференцию. Я предложил провести её в Пензе, где тогда работал в пединституте на кафедре русского языка и методики его преподавания. Идею горячо поддержал Юрий Александрович Сорокин, с которым я познакомился чуть раньше в том же 1987 году. Историю знакомства с Юрием Александровичем я уже описал в предисловии к сборнику материалов X-й Международной научной конференции «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» (размещён на сайте: ruzyrev-a-v.ru).

И вот эти три человека с «говорящими» фамилиями: Воронин, Сорокин и Пузырёв (как некоторые знакомые посмеивались) – и провели на базе Пензенского государственного педагогического института первую в Советском Союзе фоносемантическую конференцию. Она состоялась осенью 1989 года.

Тогда же Юрий Александрович высказал совет впредь проводить конференции камерно, с участием наиболее заинтересованных людей, ибо наука развивается именно на таких научных как бы «посиделках». Этому совету я следую до сих пор.

По результатам конференции был подготовлен сборник «Фоносемантические исследования». Первый блин оказался, к сожалению, комом. Издательство, желая подзаработать, заставила перепечатать текст, а перепечатывала лингвистические тексты не очень знакомая с лингвистическими терминами машинистка этого издательства. В результате список замеченных опечаток составил четыре страницы, а сборник с объективно очень интересными статьями в народ не пошёл... Это был урок, после которого все материалы конференций к печати мне пришлось готовить самому.

Следующая – уже всероссийская – фоносемантическая конференция была проведена тоже в Пензе – через десять с небольшим лет (1999 г.), и называлась она «Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики». Слово «психологии» было вставлено в название конференции неслучай-

но, поскольку на тот момент я уже год как был заведующим кафедрой психологии Пензенского педуниверситета. Надо было соответствовать...

В конференции 1999 года Станислав Васильевич принял заочное участие и был автором (и соавтором) нескольких статей. В частности, это он написал статью от редколлегии «Илья Наумович Горелов», посвятив её памяти безвременно ушедшего коллеги.

В конференции 1999 года приняли участие как уже известные в России, так и тогда только начинавшие специалисты в области фоносемантики (привожу по алфавитному порядку): асп. Н.В. Бартко (С.-Петербург), канд. филол. наук Е.И.Беседина (Санкт-Петербург), докт. филол. н. О.И.Бродович и докт. филол. н. С.В.Воронин (С.-Петербург), канд. филол.н. Т.В.Бузанова (Казань), докт. филол. н. С.В.Воронин, докт. филол. н. и И.Б.Долинина (С.-Петербург), соискатель М.В.Дубровская (С.-Петербург), асп. Л.Н.Живаева (Пенза), докт. филол. н. Л.Г.Зубкова (Москва), канд. филол. наук О.А.Казакевич (Москва), асп. Ю.Е.Кийко (Черновцы, Украина), канд. филол. н. С.В.Климова (С.-Петербург), учитель Л.В.Корогодина (Пенза), учитель А.А.Курносова (Пенза), канд. филол. н. Л.Н.Кучерова и преподаватель О.А.Кашичкина (Пенза), канд. филол. н. Л.Ф.Лихоманова (С.-Петербург), аспирант М.Г.Луннова (Пенза), преподаватель Е.М.Масленникова (Тверь), канд. филол. н. Л.П.Прокофьева (Саратов), докт. филол. н. А.В.Пузырёв и канд. филол. н. Е.У.Шадрина (Пенза), преподаватель И.Г. Родионова (Пенза), канд. филол. н. С.А.Тамарченко (Пермь), канд. филол. н. Л.В.Татару (Балашов), студентка Е.Тихонова (Саратов), канд. филол. н. Т.Г.Фомина (Казань), Г.А.Цвиринько (Пермь), докт. филол. н. И.Ю.Черепанова (Пермь), канд. филол. н. Е.А.Шамина (Санкт-Петербург), канд. филол. н. С.С.Шляхова (Пермь).

С тех пор многое изменилось. Выросли, «остепенились» некогда молодые исследователи, многие из них стали кандидатами и докторами наук. В январе 2016 года в Санкт-Петербургском государственном университете прошла VIII Международная научно-методическая конференция «Англистика XXI века», посвящённая памяти Станислава Васильевича Воронина. В рамки этой конференции органично вписалась секция «Фоносемантика»: С.В.Воронин стоял у истоков этой научной дисциплины и подготовил более двадцати специалистов в этой области.

«Мне кажется, – заключила своё выступление на пленарном заседании этой конференции профессор Ольга Игоревна Бродович, – что Университет может гордиться выдающейся личностью, своим преданным слугой и учителем, которого все ученики вспоминают с огромной благодарностью».

Совсем недавно, буквально на днях, заработал замечательный фоносемантический интернет-ресурс Лингвистический ИКонизм Language IConicity (<http://liconism.ru/>). Инициатором и вдохновителем его стала теперь уже доктор филологических наук Светлана Сергеевна Шляхова (Пермь), а посвящён он тоже памяти Станислава Васильевича Воронина, с которым мне когда-то выпало счастье общаться лично.

В нашем сборнике представлены результаты некоторых современных исследований в области фоносемантики. Конечно, длительный перерыв в фоно-

семантических собраниях сказался на объёме сборника, вместившем материалы не только «чистых» специалистов в области фоносемантики, но и «смежников» – психологов, «чистых» лингвистов, психолингвистов и других специалистов смежных областей. Впрочем, включение в проблематику конференции материалов специалистов-смежников всегда было отличительной чертой проводившихся мною научных собраний.

Поступившие материалы сгруппированы в два тематических раздела: «Общетеоретические проблемы фоносемантики» и «Фоносемантика художественной речи».

Первый раздел, в свою очередь, включает три группы. В первой из них – «Проблемы фоносемантики в онто- и филогенетическом аспектах» – рассматриваются онто- и филогенетические аспекты фоносемантики. Здесь обсуждаются различные аспекты, по мнению авторов, фоносемантические особенности детских и эмигрантских неологизмов (Л.И. Батурина), психологические характеристики звукового символизма у детей и взрослых (Н.И. Думнова, Д.В. Солдатов), даётся фоносемантическая характеристика речи персонажей народных сказок о животных (И.И. Зорина), анализируется – как проблема фоносемантики – восприятие фольклорного текста (М.А. Венгранович, Л.П. Прокофьева), рассматриваются ритмико-интонационные средства казахского языка как элемент фоностилистики (Д.Н. Байгутова, Г.А. Темирбекова).

Вторая группа статей посвящена логико-структурным аспектам фоносемантики. Здесь производится анализ некоторых фоносемантических идей С.В. Воронина (О.И. Бродович), обосновывается реальность явлений синтагматического характера в ЗИ-системе (С.В. Воронин), одно из фоносемантических явлений синтагматического характера – анафония – рассматривается в пяти ступенях сущности языка (А.В. Пузырёв), предлагается фоносемантический аспект суффиксации русских прилагательных (С.Л. Сахно), анализируется – в предварительном порядке – ЗИ-система исландского языка (М.А. Флакман), на материале рассмотрения звуков воды сопоставляются немецкая и русская фоносемантические картины мира (О.В. Шестакова).

В третьей группе статей первого раздела – «Функциональные аспекты фоносемантики» – обосновывается (на материале звуковых продлений) многофункциональность фоносемантических средств (А.Д. Гимаева), обсуждается многоязычие и возможности взаимопонимания между различными языками (Луиз Дрисс и И.И. Ковалевская), а также неопределённость беглого /ə/ в современном французском языке (Н.В. Шишонина).

Во втором разделе сборника – «Проблемы фоносемантики художественной речи» – рассматриваются звукоизобразительная лексика в романе Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и Кубок огня» (Е.И. Беседина, Н.Н. Ноланд), фоносемантические признаки «хороший-плохой» в конструктивном и деструктивном песенных текстах (И.В. Крашенинникова), идиостилевые особенности «цветного слуха» (О.Г. Мукина), соотношение первичной и вторичной мотивированности в искусственном языке литературного персонажа (Е.А. Шамина).

Есть все основания полагать, что фоносемантическая «встреча» в Орехово-Зуево окажется не последней, но, вполне возможно, даже ежегодной. Этому

способствует близость нашего города от столицы – всего неполных два часа на электричке (а если поезд скоростной – то всего 50 минут). Для реальных (не виртуальных) участников всегда проводится насыщенная культурная программа, что обеспечивает чрезвычайную интенсивность научного общения и, соответственно, расширение неофициальных контактов. Вполне возможно, что фоносемантическая секция будет выделена и в рамках проведения ежегодно (в мае) проводимой Государственным гуманитарно-технологическим университетом международной конференции «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» (см. на сайте: ruzyrev-a-v.ru). В общем и целом, нами реализуется пожелание Юрия Александровича Сорокина проводить конференции с участием наиболее заинтересованных людей и создавать для общения участников максимально комфортные условия.

И последнее замечание официального характера. Редакция считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, они публикуются в авторской редакции, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

А.В.Пузырёв

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИКИ

ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИКИ В ОНТО- И ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

*Канд. филол. н. Д.Н.Байгутова, канд. пед. н. Г.А.Темирбекова
(Казахстан, Шымкент)*

dinar_1378@mail.ru ; Temirbekova.Galiya@mail.ru

РИТМИКО-ИНТОНАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА КАК ЭЛЕМЕНТ ФОНОСТИЛИСТИКИ

Проблематикой нового направления в современной казахстанской лингвистике можно считать исследования в области фоносемантики и фоностилистики казахского языка. Отличительной особенностью казахской речи является ее мелодичность и особый ритмический склад, что отмечалось во все времена и было особенно заметно на примере текстов песен жырау, айтысов. Казахский народ – это народ-импровизатор, в его речевой культуре чрезвычайно ценятся и высоко развиты элементы ораторского мастерства, которое восходит к устному народному творчеству. В соответствии с народными традициями мастерство устной речи особо отмечают казахами и прививается с самого детства, когда дети приучаются к высокой культуре *айтысов* (песенное состязание акынов – импровизаторов-сказителей). Вступая в песенное состязание, акыны должны быстро находить остроумные ответы, которые должны быть блестящими не только по содержанию, но и по форме: особое значение придается мелодике речи, обыгрыванию звуковых сочетаний, каламбурам и шутливым рифмам, что часто основано на ассонансе и аллитерации казахских специфических гласных и согласных звуков. Возникший в старину культ красноречия, ораторского мастерства поддерживается и в современной жизни казахов, и особой чести и уважения удостоиваются истинные мастера слова – *акыны* (импровизаторы-певцы), *шешены* (ораторы), *жырау* (создатели и исполнители песен, сказители).

Объектом нашего исследования является анализ произносительной системы казахского языка – фоноварианты языковых единиц в речи представителей разных диалектов. В зависимости от места проживания, фоноварианты казахского языка могут быть сближены с узбекским языком (в южных областях), с уйгурским, киргизским, калмыкским в других регионах. Основными особенностями фонетической вариативности являются изменения фонемного состава слова, сингармонические вариации, перемещение словесного ударения, изменение интонационного рисунка звучащего высказывания и прочие приметы фоносемантической или фоностилистической окрашенности казахской речи.

Наши исследования в настоящее время обусловлены южным регионом проживания носителей казахского языка, но в процессе сбора материала и его систематизации нами накапливаются примеры и элементы функционирования иных региональных фоностилистических и фоносемантических вариантов (основная масса информантов в этих полевых исследованиях – местные и приезжие студенты из разных регионов Казахстана).

Наше исследование призвано раскрыть структурные, статистические, лингвокультурологические, лексикографические особенности стилистически окрашенных вариантов казахской лексики в следующих аспектах их изучения:

1) в фоностилистических средствах их образования: изменение фонемного состава слова;

2) в статистических характеристиках частоты употребления отмеченных вариаций;

3) в лексикографической их фиксации;

4) в специфической кодификации отмеченных вариаций в языковом сознании носителей языка;

5) в социокультурной стратификации: употребление данных вариативов в речи представителей разных социальных слоев.

Перечисленные положения обусловили структуру и конкретные задачи исследования.

Следует отметить, что наши фоностилистические исследования базируются на общей теории вариативности языковых единиц. Язык регулирует процессы варьирования с учетом своих структурных особенностей и системного потенциала речи. Стихийно возникающие в речи произносительные и иные варианты язык стремится регулировать, управлять ими, подчиняя их языковым законам, создавая правила их употребления и дифференцируя сферу их функционирования. Эволюция языка, таким образом, проявляется в эволюции функционирования языковых единиц.

Фоностилистические и фоносемантические ресурсы казахского языка анализируются нами не только в исконно казахских (шире – тюркского происхождения) словах, но и в более поздних заимствованиях, что неизбежно подвергалось специфически казахскому фонетическому освоению и трансформации. «Немало вариантов слов иноязычного происхождения, проникая в казахский язык, обладают определенным фоностилистическим потенциалом. Их вариативность обусловлена живым процессом заимствования лексики, проникновением в актуальную систему словаря» [Джусупов, 2011, с. 86].

Трудности в определении стилистической оценки фоновариантов слов обусловлены малоразработанностью проблем фоностилистики как в общем, так и в казахском языкознании, что делает такого рода исследования актуальными и перспективными.

Литература

Джусупов М., Сапарова К.О. Тюркская фоностилистика (на примере узбекского языка). – Астана: «Сарыарка», 2011. 338 с.

ФОНОСЕМАНТИКА ДЕТСКИХ И ЭМИГРАНТСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Появление неологизмов в языке является одним из критериев живого языка, реагирующего на изменения жизни, своего рода, “детством языка”, когда мир познается, тестируется и осознается с помощью языка. Неологизмы отражают происходящие изменения в обществе. Так начало перестройки было отмечено появлением таких неологизмов, как: *соразвитие, тягомотина, добротворчество, дурновкусие, запретитель, новодел, новостной, безбытный, хлопнуть (оратора)*

Постперестроечные, так называемые “черные” годы страны, принесли неологизмы более мрачных тонов: *отморозок, беспредел, разборка, наезжать, париться (напрягаться)* и несколько других низкородных блатных слов.

Начало 21 века отмечены неологизмами, отражающими бурное развитие социальных сетей и интернет СМИ: *лайкбище (фейсбук), жритель (зритель, который смотрит все подряд), пусточатиться (вести бессодержательную переписку), дружестранец/вражестранец (лицо из со/недружественной страны)*.

Считается, что неологизм является звеном в цепочке языковых новообразований: «потенциальное слово – окказионализм – неологизм». Неологизм появляется там, где есть понятие, необозначенное вербально, но которое требует себе название. В таком случае окказионализм, если он благозвучен или совпадает по своему фонетическому наполнению его понятию, вполне может стать неологизмом. Таким образом органичное сочетание фонетического и семантического содержание слова есть условие появления удачного неологизма.

Например, слово *псакинг* употребляется, когда человек, не разобравшись, делает безапелляционные заявления, при этом путая факты, без последующих извинений. Следовательно, *псакинг* – это явление. Оно возникло в политике, но в целом может быть применено и к другим областям жизни. Отсутствие благозвучности этого слова и его отрицательная коннотация вполне могли бы закрепить его как неологизм, если бы не его чрезмерная политизированность.

Лексические неологизмы появляются в языке с возникновением новых реалий в жизни людей (*мерчендайзер, копирайтер, супервайзер, коуч*).

Семантические неологизмы – это широко известные старые слова из активного запаса лексики русского языка, которые получили новое значение или оттенок значения (*зебра – полосы на проезжей части улицы*).

Фоносемантические неологизмы основаны на сочетаемости или не сочетаемости звуков и придают новое семантическое значение такой комбинаторике. Часто такие неологизмы являются продуктом рекламодателей. Напр., *Феминины сердца* – Слово «именины» замещено компонентом, семантически соотнесенным со словом «феминизм». Или *Не совершай РАКовой поступок! Не кури!* – прием графо-фонетической полисемии, удачно примененный автором антитабачной рекламы.

Помимо общеязыковых в речи встречаются **авторские неологизмы** (индивидуально-стилистические). Они создаются писателями, поэтами для придания особой выразительности и образности художественному тексту. Они редко выходят за пределы контекста, не получают широкого распространения, как правило остаются принадлежностью индивидуального стиля, так что их новизна и необычность сохраняются. До сих пор широко известны неологизмы Маяковского (*громадьё, декабрь, фырки*), Хлебникова (*изнемождённый, восторгкрылый, смехачи*) и др. Самые удачные авторские неологизмы становятся народными, авторство которых невозможно определить, они кочуют по анекдотам, телевидению, СМИ, занимают достойное место в словарях.

Принято использовать слово «неологизм» по отношению к взрослым и «словотворчество» по отношению к детям, хотя это, по сути, идентичные процессы. Более того, в век глобальной миграции словотворчество ярко проявляется в речи эмигрантов, и замечено, что оно проходит по одному сценарию. И если детскому словотворчеству уделяется достаточно большое внимание лингвистами и психологами, то неологизмы у взрослых проходят часто под знаменем одномоментного, часто политизированного процесса или вовсе под знаком безграмотности.

Если проанализировать наиболее общепринятые способы образования неологизмов, то абсолютное первенство в создании неологизмов занимает речь детская и эмигрантская. Именно они, в силу еще неразвитого лексического материала и огромного потока новых реалий, вынуждены встраивать свой личный опыт в имеющийся у них языковой материал. Особое место в словообразовании занимают случаи детей билингов, речь которых развивается на двух языках одновременно. Часть слов, произносимых ребенком на родном языке, или билингвами на нескольких, и взрослым человеком в условиях иноязычной среды, не является повторением услышанного, а отражает процесс осмысления им языковых норм и попытку использовать эти знания для обозначения освоенных им понятий и чувствований. Последнее включает в себя также фоносемантические аспекты. В результате появляются неологизмы, независимо от того, будут ли они однодневками, закрепятся, как сленг или как литературное слово.

Одинаковые типы неологизмов, встречающиеся у разных детей и взрослых, свидетельствуют не о случайности такого процесса, а об отражении в нем существенных закономерностей усвоения языка.

Как у детей, так и у эмигрантов, основы заимствованных слов разных частей речи соединяются с русскими словообразовательными аффиксами и становятся словами-гибридами русского языка, в народе называемыми “суржиком”: *слайстик (ломтик), драйвать, шармантность, кирпушник (барахолка, блошинный рынок)*. Слова-гибриды склоняются и спрягаются, как обычные слова русского языка.

Необходимо добавить, что существуют разные типы производства слов-гибридов. В одних случаях русский суффикс просто «приклеивается» к иноязычной основе (*tranche + ик = траншик, slice + ик = слайстик*). Никаких морфолого-фонологических изменений на границе морфем не наблюдается. В других случаях происходит изменение произношения на стыке морфем. Так, англ.

глагол *to tow* (буксировать) порождает слово-гибрид *оттовать* (*оттащить, отбуксировать*) (Земская).

Анализ неологизмов по Тойтукову показывает наибольшую продуктивность следующих словообразовательных моделей лексических инноваций в современном русском языке, что также замечено у эмигрантов и в речи детей:

- 1) существительные с суффиксом -щик;
- 2) существительные с суффиксом -ист: *вейкбордист*;
- 3) суффиксы -ик\ нарик, -ок: *торчок*;
- 4) суффикс -ец: *руповец*;
- 5) суффиксоид -лог: *конфликтолог*;
- 6) словосложение: *вирусописатель*;
- 7) префиксация: *антиельцинец*;
- 8) интернациональный префиксоид: *неофит*;
- 9) усечение основы или окончания заимствованных слов: *остеопат*;

10) использование иностранных суффиксов с русским корнем и наоборот. Напр., нидерландские приставки *bij* (*вместе*), *mede* (*совместный*) очень распространены и имеют точно закрепленный и всем понятный смысл, экономя выбор приставки в русском языке: *меде-студентка*. В русском надо прибегнуть к новому слову *сокурсница*, а в нидерландском достаточно лишь добавить приставку.

Известно, что основную смысловую нагрузку в сообщении несут глаголы. Поэтому говорящий стремится быть максимально понимаемым своими собеседниками. Такие слова-гибриды одинаково производятся как взрослыми, так и детьми. Например:

- кликнуть* – *to click* (англ.);
- юзать* – *to use* (англ.);
- зашерять* – *to share* (англ.);
- пуцать* – *te poetsen* (нед.);
- шопить* – *to shop* (англ.);
- арбайтать* – *arbeiten* (нем.);
- каминярить* – *caminhar* (порт.);
- фумарить* – *fumar* (порт.);
- турнепситься* – *бездельничать, лежать на диване, на турнепс* (порт.);
- накамамберить* – *напукать*.

Существительные составляют чуть меньшую группу: *оплатить аусцуги, встретиться на банхове, садиться на эску»* (ж/д сеть S), *сделать арбитражу* – нем., *бегеляйдерша* – нед, *подогреть в микрроондасе, бразиленцы-бразиленка* - порт., *россиянцы*.

Прилагательные встречаются значительно реже: *волонтерский, бедрумный, полпаундовый*.

Теперь сравним это с речью ребенка. Обычно выделяют 3-5 типов словестных образований. Они вполне накладываются на речь взрослого в иноязычной среде.

1. Образование новых сочетаний путем перестановки букв или отсекания части слова. Наблюдается у детей до 4 лет на этапе становления артикуляционного аппарата. У взрослых эта группа также представлена на раннем этапе овладения иностранным языком или в самом начале столкновения с чужой культурой.

ревёвка – веревка
сашлык – шашлык
фасефа – салфетка
деверо – дерево
барелина – балерина
типомото – гиппопотам
каляка – коляска
буганот – бегемот
абабабарея – батарея
бубубудалетка – табуретка
бака – бабушка

2. Создание фонетических слов, когда из характеристики предмета берется его звук/цвет/запах/форма и т.д. и совмещается с грамматическими формами языка, – одинаково встречается как у детей, так и у эмигрантов

Дети	Взрослые
<p style="text-align: center;"><u>звук</u></p> <p><i>гагашка, вука – машина</i> <i>виавиа = машина скорой помощи</i> <i>ба = собака</i> <i>гудильник – будильник</i> <i>тикитик – мотоцикл</i></p> <p style="text-align: center;"><u>форма</u></p> <p><i>ганган – лапша</i> <i>мигальники – машины с мигалками</i> <i>стелегастоп. – калейдоскоп (от стела – звезда)</i> <i>дом-гдомчик – треугольник</i></p> <p style="text-align: center;"><u>действие</u></p> <p><i>тяп – гулять</i> <i>потяпа – велосипед</i> <i>помидор = пумбум</i> <i>скаклялька – кастрюлька</i></p> <p style="text-align: center;"><u>цвет</u></p> <p><i>красняк = синяк</i></p>	<p><i>Чили-били – народная песня (от жили-были)</i></p> <p><i>чучузиньо («чуть-чуть» + уменьшительный португальский суффикс «inho»)</i></p> <p><i>матюгальник – рот</i></p> <p><i>синюшник – пьяница, бомж</i></p>

3. Создание необычных форм из-за недостатка знания языка. У взрослых такая неграмотность речи иногда является специально эмоционально окрашенной и закрепляется как устойчивый неологизм.

*мне от папы можно
девочка из немении (немка)
российцы
вас здесь не стояло
здесь вам не там*

В последние годы активного внедрения интернета в каждодневную жизнь появилось большое количество «взрослых» неологизмов – как средств экспрессии, языковой игры, и как результата общего небрежного отношения к грамотности у интернет-пользователей. Зачинателями стали слова *превед*, а затем *аффтар*, впервые появившиеся в интернете как подписи под смешными картинками.

Сленг программистов остался бы сленгом, если бы в один день активисты московского отделения СПС не пришли к зданию Главного военного комиссариата с плакатами *Иванов, превед!* и *Ф аццтафку, аццкий сотона!*, создав таким образом отрицательную коннотацию у шуточного и позитивного *преведа*. Интернет-сленг покинул пределы виртуального пространства и стал использоваться в реальной жизни за пределами блогов: *пака, красавчег, мидвед и учаснег, кисакуку, киса, с какова ты горада, аффтар жжот*.

4. Соединение корня слова с несвойственными ему аффиксами, о чем мы говорили выше

*Слон захоботал (захохотал)
пингвинюшня (пигвин, конюшня)*

5. Создание фоносемантических образований, то есть осмысление морфологического состава слова и объяснение его значения на основе созвучия этого слова с другими словами. Причем такие образования часто приобретают глубокий дополнительный смысл, значительно глубже, чем оригинальные составляющие. Здесь важно также отметить, что тем удачнее соотношение фоносемантическое, тем дольше живет такой неологизм. Таков наиболее известный неологизм 60-х годов *АВОСЬка*. Ниже представлены фоносемантические неологизмы детей 5-10 летнего возраста:

*выДОХной = выходной
срТРОИШники . плохие строители троичники
сказоРоды = сазочники
ПРИЛИВки = креветки, которых ловят во время приливов-отливов
ХОПситал = госпиталь Норе (порт)
СИЛОпед – велосипед
ХОТЬболка = футболка
приСТУКник – преступник
вЗАДник – всадник
ГУЛЯЛЬфы" = "гольфы" (надевались, когда идешь гулять)
ОПАЛЯ – шапка ушанка с "оппадающими" ушами
ПЧЕЛАчник – пасечник
ЛИНДОрики = цветы, от португальского «линдо»- красиво
подКОРМ – попкорн*

непоКОБЕЛимый- непокобелимый
самоРУБка – мясорубка
мама Мия – бабушка Лиля
дедушка Мороз и ДЕДУШКА Снегурочка

Таким образом, создаваемые детьми и взрослыми неологизмы – не случайные артефакты, а следствие использования ими одних и тех же операций, которые приводят к созданию новых речевых форм.

Несколько слов о фонетике – новые слова как у детей, так и у взрослых соотносятся с тем культурным полем и той фонетической системой, на языке которого создаются неологизмы. Это диктуется, прежде всего желанием понять и быть понятым. Например, *Саар* – название одной из немецких земель – в русскоязычном сообществе региона называется *Заарланд*. И по такой же схеме происходит переименование на русский манер названий рек, городов, земель, районов.

Интернациональная лексика произносится эмигрантами с местным ударением, напр., *ботОкс* вместо *бОтокс*. В Бразилии к конечным согласным добавляется *И*, напр., *фейсбукИ*, *ноутбукИ*.

Диалектные *О* смягчаются, звонкие согласные на конце слова не оглушаются – все это следствие отсутствия сходных русскому фонетических правил на исследуемых языках.

Еще одна существенная особенность, свойственная эмигрантам и многоязычным детям – чем большим количеством языков овладевает человек, тем легче ему подстроиться под различные диалекты, меняя их при необходимости.

Самым замечательным, на мой взгляд, фоносемантическим объяснением языковых процессов является то, которое дал ребенок 8 лет, представив визуализацию работы речевого аппарата в мозге (со слов мамы, true Lapka на форуме adv@u-mama.ru; Тел.+7(343)214-87-87).

«...– Мама, я когда что-то думаю, то у меня в мозгу получается маленькая такая картинка, как карточка. Они все висят на веревочке, вот так по порядку. И слова, которые я знаю, тоже так висят. Вот тут веревочка натянута. Когда нужно вспоминать, я карточки раздвигаю и ищу. А потом появляются новые веревочки, и можно снова вешать. Они там так прицеплены.

– А песни у тебя где?

– Там же, на карточках, только их много-много, и они по всему мозгу мои песни.

– А когда ты устаешь, карточки путаются?

– Нет, когда я устаю, то у меня появляются такие грязные пятна на мозге, и они так плавают шииииииии...»

Литература

Батурина Л.И. Потеря навыков родного языка в условиях иноязычной среды. Лексический анализ // УлГУ, 2010, С. 75-80.

Батурина Л.И. Билингвизм. Что, когда, как, зачем? (из наблюдений за детьми-билингвами) // Язык и мышление: Психологические и лингвистические

аспекты: Материалы XV-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 13-15 мая 2015 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», 2015. С. 53-65

Гловинская М. Я., Галанова Е. И. и др.. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX— XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.

Земская Е. А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. – № 1. – М., 2001. – С. 114-131

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов, под ред. Е. А. Левашова. – СПб., Дмитрий Буланин, 1997.

Тойтукова А.О. Лексические инновации в русском языке начала XXI века (2000 – 2009 гг.) : Дисс. ...кандидата филологических наук. Спец. 10.02.01. Красноярск, 2009. 178 с.

Эпштейн М. Русский язык в 21 веке. / Сетевой проект "Дар слова", 2000. – <http://www.emory.edu/INTELNET/dar127.html>

Д.ф.н. М.А.Венгранович (Тольятти), д.ф.н. Л.П.Прокофьева (Саратов)
wmaphil@mail.ru ; prokofievalp@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА КАК ПРОБЛЕМА ФОНОСЕМАНТИКИ

Исследование ассоциативного механизма речемыслительной деятельности визуального восприятия может приблизить к пониманию древнего коммуникативного кода, служащего средством связи между «тем» и «этим» миром [Шляхова, 2015]. Для проверки данной идеи продуктивным представляется изучение фольклорного текста (ФТ), так как именно в нем возможно найти основы изначальной, отприродной связи между формой языкового знака и его содержанием.

Восприятие фольклорного текста связано прежде всего с **синтетическим (креолизованным)** его характером и, соответственно, близостью фольклора к визуально-акустическим (многоканальным) видам искусства. Однако в отличие от синтетических видов профессионального искусства – театра, киноискусства, телеискусства, оперного искусства и др. – в фольклоре *синтез элементов* (текста, мелодии, жестов, мимики и др.) «возник из преобразования синкретичного состояния, исторически ему предшествующего» [Аникин, 1996, с.158] и, соответственно, протекает синхронно и более органично и естественно, поскольку каждый из элементов не просто сопутствует тексту, а служит **дополнительным эстетическим фактором** организации самого текста.

Исходя из признаков художественного синкретизма в фольклорных поэтических (необрядовых лирических и обрядовых) текстах, можно сказать, что любой ФТ как объект восприятия требует определенной, свойственной самим создателям и носителям фольклора универсальной способности восприятия, которую в теории художественной рецепции определяют как **синестезию**, характеризующую процесс восприятия не только многоканальных (синтетических)

видов искусства, но и художественной литературы, восприятие которой отличается **целостностью**. Однако целостность фольклорной образно-художественной системы выявляется, познается и воздействует на человека лишь при условии способности **одновременно** воспринимать фольклорный текст и посредством **зрения**, и посредством **слуха**.

Однако синестетическое восприятие ФТ обусловлено и другими факторами, и, прежде всего, устной формой бытования. Среди наиболее значимых общих свойств устной речи исследователи отмечают *многоканальность* (участие в слуховом восприятии как минимум трех каналов – вербального, мелодического и визуального) [Гаспаров, 1978], что обеспечивает восприятию устного слова *комплексность* и делает ФТ мощным средством эмоционального воздействия.

Звуковая организация устного народного творчества часто привлекала внимание лингвистов: исследовалась звукоизобразительная сторона текста, приемы звуковой инструментовки, аллитерации и ассонансы, ритмика. В то же время глубинные звуковые структуры ФТ оказались недостаточно изученными. Исследование цветовой основы звучащей речи, проводимое методами современной фоносемантики в работах ученых Саратовской, Уфимской, Пермской школ проводится на материале текстов на татарском, башкирском, коми-пермяцком, русском языках, среди которых эпизодически возникают фольклорные произведения [Шляхова, 2002; Определеннова, 2008]. Пришло время для проведения комплексного изучения ФТ с учетом всех его особенностей, в том числе и восприятия.

Пилотное исследование двух ФТ – протяжной песни «Уж ты, степь ли ты моя...» из «Сборника русских народных лирических песен Н.М. Лопатина и В.П. Прокунина» [Сборник..., 1889] и «Во поле, во поле стояла береза» из сборника «Жили-были. Русская обрядовая поэзия» [Жили..., 1998] с помощью апробированной методики автоматизированного анализа с помощью компьютерной программы «Звукоцвет» (рег. № 29946) и аудиторского эксперимента по ассоциативному восприятию показал отчетливую связь между прогнозируемой и реальной цветовой оценкой ФТ. Так, песня, ставшая впоследствии основой знаменитой «Степь да степь кругом» программой оценивается как черно-красная (20-22%), что очень редко для текста на русском языке (с учетом красно-бело-синей основы русской звуко-цветовой матрицы). При этом автоматизированный анализ отмечает наличие приема звуковой семантизации в виде ассонансов на **Э** и **Я**. Оценка аудиторами совпадает с расчетной (коэффициент достоверности 67%), что вполне прогнозируемо: общий смысл песни, ее протяжное звучание фиксирует в сознании носителя языка настроение безысходности, трагизма, отчетливо связывающееся в русском сознании с темным цветом. С другой стороны, ассонанс на **Я** регулярно ассоциируется с красным.

Хороводная песня, ставшая впоследствии самой популярной народной песней, оценивается программой как сине-красная (25-26%) с приемом аллитерации на **Л** и **Ч**, что вполне соответствует общей тенденции звуко-цветовой картины мира русских. Ассоциативный эксперимент дает отчетливую фиксацию данной матрицы, связывая песню с бело-сине-красным (82%).

Таким образом, выявленная тенденция позволяет сформулировать гипотезу об особой роли фольклорного текста в восприятии носителя русского языка, что требует продолжения исследования с учетом междисциплинарных теорий и методик.

Литература

Аникин В.П. Теория фольклора. Курс лекций. – М., 1996.

Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. Тарту, 1978. С. 63 – 112.

Жили-были... Русская обрядовая поэзия. – СПб., 1998.

Определеннова О.В. Звуко-цветовая ассоциативность фольклорного текста для детей: к постановке проблемы // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум. Сборник докладов и сообщений международной научной конференции памяти профессора И.Н. Горелова. Саратов, 2008. С. 510-516.

Сборник русских народных лирических песен Н.М. Лопатина и В.П. Прокунина. – М. 1889.

Шляхова С.С., Вершинина М.Г. Фоносемантическая звуковая картина мира. – Пермь, 2015.

Шляхова С.С. Фоносемантическая структура текста былички // Фольклорный текст 2002. Пермь, 2003. С. 34-43.

*Аспирант Н.И. Думнова, канд. психол.н. Д.В. Солдатов (Орехово-Зуево)
ndumnova@hotmail.com ; soldatovdv@list.ru*

О ЗВУКОВОМ СИМВОЛИЗМЕ У ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Перцептивный опыт одной модальности субъекта зачастую зависит от активности другой сенсорной модальности. Подобные кросс-модальные соответствия также прослеживаются и в языке. Взрослые и дети подросткового возраста спонтанно и систематически соотносят определенные слова (например, «kiki») с определенной формой (например, угловатая фигура). Следует сказать, что природа таких систематических явлений остается неизученной. Поскольку у взрослых и подростков уже имеется опыт языкового переноса, остается неясным, являются ли эти соответствия результатом использования языка или продуктом врожденной предрасположенности субъекта.

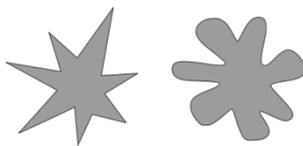

Рис.1. Kiki, bubu

Группа исследователей кафедры психологии Нью-Йоркского Университета (США) провели ряд экспериментов, участниками которых стали четырехмесячные младенцы. Психологи сделали предположение, что четырехмесячные младенцы имеют одни и те же **способы** (biases) **звуко-форменного ассоциирования** (mapping), что и взрослые и подростки, т.е. они различают конгруэнтные пары изображение-речевой знак (угловатый рисунок с «кики» или округлое изображение и «бубу») и неконгруэнтные пары (округлый рисунок с «кики»

или угловатый рисунок с «бубу»). Дети задерживали свой взгляд на конгруэнтных парах дольше, чем на неконгруэнтных. Этот перенос по всей видимости основан на определенной комбинации гласных и согласных, а не на отдельных звуках. Полученный результат указывает на то, что **способы звуко-форменного ассоциирования** взрослых берут свое начало еще в детстве, и не могут появляться исключительно под влиянием языкового окружения.

Взрослые субъекты данного исследования, как и дети, использовали комбинацию согласного и гласного для соотнесения знаков, которые они слышали, с изображением, которое видели. Лучшие показатели взрослых имели место с комбинацией согласных и гласных звуков, нежели отдельных гласных и согласных. Возможно это происходило потому, что комбинация гласного и согласного несет в себе больше «информации», чем одна фонема, тем самым имеет место эффект звукового символизма [Thompson & Estes, 2011]. Тем не менее, для испытуемых это была не единственная доступная стратегия. Взрослые, в отличие от детей, для совмещения формы и звука были неспособны использовать «согласную» информацию отдельно от «гласной»; удачные сопоставления встречались реже, чем комбинация согласного и гласного. Когда происходил конфликт гласных и согласных, взрослые чаще использовали согласные, чем гласные. Приоритетный выбор согласных взрослыми соотносится с ролью согласных, которые участвуют в лексической обработке, в то время как гласные – в грамматической, указательной и просодической [Bonatti et al., 2005; Nespor et al., 2003].

Откуда же берут свое начало эти способы систематического **ассоциирования** звука с формой? Одним возможным объяснением может служить то, что звуковой символизм относится к кросс-модальным синестетическим тенденциям [Ramachandran & Hubbard, 2001; Spector & Maurer, 2009]. Взрослый вместе с синестезией невольно испытывает дополнительные ощущения в одной сенсорной модальности во время стимуляции другой сенсорной модальности [Cytowic & Eagleman, 2009; Cytowic & Wood, 1982]. Синестетические ассоциации выражены более ярко у детей, чем у подростков [Wagner & Dobkins, 2011], это указывает на то, что эти ассоциации могут играть большую роль в восприятии прелингвальных/доречевых младенцев, чем у подростков и взрослых. Несмотря на то, что синестезия наблюдается всего у 4-5 % взрослого населения [Simner & Ward, 2006], от 90 до 98% взрослых показывают систематические способы звуко-форменного переноса [Köhler, 1947], данные проведенных экспериментов вряд ли можно объяснить синестезией взрослых. В то же самое время, склонность людей к систематическому соотнесению звуков с формой, схожа со способами кросс-модальных соответствий у шимпанзе [Ludwig, Adachi, & Matsuzawa, 2011]. Таким образом, звуковой символизм может являться характерным для приматов свойством сенсорных систем.

Другое возможное объяснение происхождения кросс-модальных способов/шаблонов может брать свое начало из теорий, утверждающих о связях механизмов восприятия и производства (Production) [Calvert & Campbell, 2003; Keysers et al., 2003; Kohler et al., 2002; Liberman & Mattingly, 1985; Wilson, Saygin, Sereno, & Iacoboni, 2004], которое находит подтверждение в экспери-

ментах, проведенных среди индивидуумов с расстройством аутистического спектра и пациентов с поражениями головного мозга. Эти испытуемые не проявляют таких же систематических **способов/шаблонов звуко-форменного ассоциирования**, как обычные люди. В то время как нормально развивающиеся субъекты исследования соглашаются в среднем с результатом в 90-98% случаев, субъекты с аутизмом или повреждением угловых извилин соглашаются лишь в 56% случаев [Ramachandran, Azoulay, Stone, Srinivasan, & Vijoy, 2005]. Дети с расстройством аутистического спектра также не показывают **звуко-форменного ассоциирования**, что неврологически типично для обычных взрослых и детей [Oberman & Ramachandran, 2008]. Предполагается, что лица с расстройствами аутистического спектра или поражениями головного мозга имеют дисфункцию в системе зеркальных нейронов, связывающих восприятие и производство, что предотвращает систематические **способы звуко-форменного ассоциирования**, характерного для обычных взрослых [Altschuler et al., 2000; Nishitani, Avikainen, & Hari, 2004; Oberman et al., 2005; Theoret et al., 2005].

Полученные результаты свидетельствуют о том, что доречевые младенцы, как и взрослые, показывают произвольные **способы ассоциирования** речевого знака и объекта. Младенцы в проведенном эксперименте показали только те способы, в которых два речевых знака отличались и согласными и гласными. Результаты этого эксперимента отличаются от ранее поставленных, в которых только учитывались гласные для передачи размера объекта четырехмесячными детьми [Peña et al., 2011]. Использование одних только гласных звуков в исследованиях, проведенных ранее, может быть основано на наблюдаемых физических отношениях между высотой гласного и размером объекта, построенных за счет имеющегося мультисенсорного опыта субъектов эксперимента.

Напротив, невозможно четко проследить соотношение между качеством гласного и формой объекта, основываясь на выводах о том, что согласные, а не гласные, являются предпочтительными при **звуко-форменном ассоциировании** (эксперимент № 4 в проведенном исследовании; также Nielsen & Rendall, 2011). Следует отметить, что в проведенном исследовании было использовано только два согласных (/b/ и /k/) и два гласных звука (/u/ и /i/). Хотя эти данные согласуются с предыдущими исследованиями, где младенцы связывали гласный и размер объекта [Peña et al., 2011] и тон и форму объекта [Walker et al., 2010]. Для того, чтобы понять, что может управлять **способами звуко-форменного ассоциирования** у грудных детей, дальнейшие исследования должны содержать различные согласные и гласные.

Наша перцептивная система должна объединять или разделять параллельные сенсорные входные сигналы от различных модальностей для быстрого и точного обнаружения объектов или событий и избирать соответствующие ответные реакции [Evans & Treisman, 2010]. В мире, переполненном мультисенсорным опытом, развивающиеся младенцы должны иметь возможность интегрировать мультисенсорные входящие сигналы [Bahrick, Lickliter, & Flom, 2004; Lewkowicz, 2000]. Ранние способы кросс-модальных соответствий в младенче-

стве обеспечивают основу для обработки мультисенсорной природы наших ежедневных переживаний.

И.И. Зорина (Ульяновск)
tukaevy@yandex.ru

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ НАРОДНЫХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ.

Народные сказки всегда находятся в центре внимания учёных, являясь надёжным источником лингвистической информации разных уровней. В настоящей статье текст сказок, а точнее прямая речь персонажей русских народных сказок *Волка и Лисы*, используется в качестве материала для фоносемантического анализа.

В качестве материала для анализа взяты русские народные сказки о животных. Такой выбор обусловлен тем фактом, что именно народные сказки о животных, согласно В.Я. Проппу, являются древнейшими в своём жанре [Пропп, 1957]. Они образовывались во времена, когда люди имели тотемных животных и почитали их как покровителей своего рода. Сказки о животных отражают исконные взгляды народа.

Известно, что тотемным животным русского народа некогда был волк. Именно поэтому предпочтение при анализе отдаётся сказкам с этим персонажем, а персонаж *Лиса*, как основной противник персонажа *Волк*, принимается в расчёт, потому что в противостоянии этих двух героев как раз и проявляются основные характеристики каждого из них.

Конфликт данных героев особенно интересен ещё и потому, что согласно исследованиям такой области знаний как соционика, указанные герои находятся в конфликтных отношениях. Персонаж *Волк* в большинстве случаев выступает в качестве социотипа, называемого *Дон-Кихотом*. Персонаж *Лиса* чаще всего выступает в роли социотипа *Драйзер*. Данные социотипы находятся в конфликтных интертипных отношениях, что совпадает с сюжетом большинства сказок, где эти персонажи взаимодействуют.

Принято думать, что фонетические единицы не обладают значением. Однако, согласно результатам исследований Александра Павловича Журавлёва, изложенным им в монографиях «Фонетическое значение» (1974) и «Звук и смысл» (1991), звукобуквы обладают символическим значением. Каждая звукобуква может быть описана набором оценочных признаков.

Предметом исследования является фоносемантическая характеристика речи персонажей народных сказок о животных. Фоносемантический анализ прямой речи персонажей проводился в соответствии с методикой, предложенной А.П. Журавлёвым.

Фоносемантический анализ предполагает изучение звукобуквенного состава текста и определение значимости данного текста по той или иной шкале, в настоящей статье – по шкалам *хороший – плохой*, *мужественный – женственный*.

Была установлена частотность звукобукв в речи *Волка* и *Лисы*. В качестве материала использовался сборник сказок А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки», а именно семь вариантов сказки «Лисичка-сестричка и волк».

Поскольку ударные гласные имеют в два раза больший вес, то в соответствии с методикой А.В. Журавлёва, ударные гласные были удвоены.

Для дальнейшей работы потребовались данные о нормальной частотности звукобукв в речи. С данной нормой сравнивалась частотность каждой звукобуквы в сказках и высчитывалось её отклонение от нормы в сигмах σ . Необходимо напомнить, что нормальные частотности неизбежно подвержены колебаниям, рамки которых вычисляются по законам теории вероятностей. За единицу при измерении размаха колебаний принято считать величину σ («сигма»). Сигма высчитывается по формуле $\sigma = \sqrt{P_n * (1 - P_n) / N}$ [Журавлёв, 1974, с. 102], где P_n – нормальная частотность, а N – число всех звукобукв в сказках.

В расчёт были взяты те звукобуквы, отклонение от нормы которых превышает $\pm 1 \sigma$. Если отклонение частотности звукобуквы от нормы не превышает $\pm 1 \sigma$, это значит, что частотность данной звукобуквы находится в пределах допустимой погрешности. Однако, если отклонение от нормы выходит за рамки $\pm 1 \sigma$, то отклонение от нормы является не случайным, а значимым.

Следующим шагом был выбор шкалы исследования. А.П. Журавлёв предлагает 3 группы признаков (группа оценки, группа силы, группа подвижности), содержащих 25 шкал: *хороший – плохой, большой – маленький, нежный – грубый, женственный – мужественный, светлый – тёмный, громкий – тихий, радостный – печальный* и т.д. [Журавлёв, 1974, с. 46-49].

Для анализа речи персонажей *Волк* и *Лиса* были использовали шкалы *хороший – плохой* и *женственный – мужественный*. При этом по каждой шкале каждая звукобуква обладает различными показателями. Данные показатели определялись А.П. Журавлёвым и его коллегами путём опроса реципиентов. Перед ними ставилась задача оценить произносимый звук по шкале от 1 до 5, при этом 1 – самый хороший, а 5 – самый плохой; 1 – наиболее женственный, 5 – наиболее мужественный. Нулевой точкой при этом принималось число 3. Зона нейтральности тогда находилась между 2,5 и 3,5. Как устанавливается автором методики, звукобуквы, находящиеся в нейтральной шкале, в подсчетах не учитываются.

Затем отклонение частотности каждой звукобуквы в сигмах умножалось на показатель отклонения значимости данной звукобуквы. Таким образом, был получен вклад каждой звукобуквы в общий фон речи данного персонажа.

В ходе исследования были составлены таблицы, отражающие промежуточные этапы вычисления.

В первом столбце каждой таблицы перечислены все звукобуквы (в алфавитном порядке). В их число включены ударные и безударные гласные, а также твёрдые и мягкие согласные. Во втором столбце указана нормальная частотность для каждой звукобуквы в разговорной речи. Третий столбец – это частотность звукобукв в анализируемых сказках, которая вычисляется делением ко-

личества данной звукобуквы на общее число всех звукобукв в анализируемых сказках.

В четвёртом столбце таблицы указана σ для каждой звукобуквы. В пятом – даны результаты компьютерных подсчётов, показывающие на сколько σ и в какую сторону отклоняется частотность звукобукв от нормальной в сказках. В шестом столбце указана величина отклонений значимости звукобукв от нейтральной точки шкалы (от 3,0).

В Таблице 1 отображены результаты анализа речи *Волка* по шкале *хороший – плохой*.

Таблица 1.

Звуко-буквы	Нормальная частотность звукобукв (%)	Частотность звукобукв в сказках	σ	Величина отклонений частотностей звукобукв от нормы	Величина отклонений значимости звукобукв от нейтральной точки шкалы	Вклад каждой звукобуквы в общий звуковой тон сказки
а	0,049	0,031	0,005	-4,063	1,5	-6,094
á	0,046	0,106	0,004	13,678	1,5	20,517
б	0,013	0,011	0,002	-0,867		0,000
б'	0,005	0,009	0,001	2,545		0,000
в	0,028	0,011	0,003	-4,814	-0,9	4,332
в'	0,011	0,007	0,002	-1,830		0,000
г	0,012	0,012	0,002	0,114		0,000
г'	0,003	0,000	0,001	-2,239	-0,6	1,343
д	0,020	0,018	0,003	-0,699		0,000
д'	0,017	0,013	0,003	-1,591		0,000
е	0,050	0,028	0,005	-4,916	0,8	-3,932
é	0,039	0,053	0,004	3,342	0,8	2,674
ё	0,017	0,012	0,003	-1,816	0,7	-1,271
ж	0,008	0,006	0,002	-1,238	-0,7	0,867
з	0,013	0,008	0,002	-1,975		0,000
з'	0,002	0,004	0,001	2,030		0,000
и	0,041	0,018	0,004	-5,555	1,1	-6,111
í	0,015	0,077	0,003	24,399	1,1	26,839
й	0,013	0,005	0,002	-3,453		0,000
к	0,030	0,057	0,004	7,664		0,000
к'	0,003	0,001	0,001	-1,474	-0,7	1,032
л	0,020	0,019	0,003	-0,401		0,000
л'	0,017	0,017	0,003	0,028		0,000
м	0,025	0,032	0,003	2,265		0,000
м'	0,007	0,005	0,002	-1,252	1	-1,252
н	0,040	0,015	0,004	-6,018	-1	6,018
н'	0,024	0,017	0,003	-2,299	0,7	-1,609
о	0,067	0,039	0,005	-5,275	-0,7	3,692

ó	0,037	0,065	0,004	7,038	-0,7	-4,927
п	0,020	0,017	0,003	-0,998		0,000
п'	0,006	0,002	0,002	-2,629	0,8	-2,103
р	0,024	0,009	0,003	-4,623	-1,7	7,859
р'	0,014	0,009	0,002	-2,133		0,000
с	0,032	0,023	0,004	-2,388		0,000
с'	0,017	0,015	0,003	-0,781		0,000
т	0,055	0,047	0,005	-1,709		0,000
т'	0,020	0,010	0,003	-3,539		0,000
у	0,017	0,030	0,003	4,722		0,000
ú	0,012	0,041	0,002	12,797		0,000
ф	0,002	0,000	0,001	-2,139	-1	2,139
ф'	0,001	0,000	0,001	-1,512	-1,2	1,814
х	0,008	0,005	0,002	-1,708	-1,1	1,879
х'	0,001	0,000	0,001	-1,512	-1,3	1,966
ц	0,004	0,001	0,001	-2,366	-1	2,366
ч	0,020	0,019	0,003	-0,251		0,000
ш	0,012	0,013	0,002	0,498		0,000
щ	0,003	0,005	0,001	1,970		0,000
ы	0,010	0,002	0,002	-3,752	-0,6	2,251
ы́	0,006	0,025	0,002	12,002	-0,6	-7,201
э	0,004	0,000	0,001	-3,029	1	-3,029
э'	0,001	0,002	0,001	1,136	1	1,136
ю	0,004	0,002	0,001	-1,371	1,2	-1,645
ю́	0,002	0,002	0,001	-0,266		0,000
я	0,013	0,004	0,002	-4,007	1,2	-4,808
я́	0,011	0,021	0,002	4,589	1,2	5,507
		1,000				
Суммарный показатель участия данного признака в создании общей фонетической значимости речи						50,248

Данные Таблицы 2 отображают анализ речи *Лисы* по шкале *хороший – плохой*.

Таблица 2.

Звуко-буквы	Нормальная частотность звуко-букв (%)	Частотность звуко-букв в сказках	σ	Величина отклонений частотностей звуко-букв от нормы	Величина отклонений значимости звуко-букв от нейтральной точки шкалы	Вклад каждой звуко-буквы в общий звуковой тон сказки
а	0,049	0,024	0,003	-8,740	1,5	-13,110
á	0,046	0,078	0,003	11,606	1,5	17,408
б	0,013	0,010	0,001	-2,239	0,6	-1,343

б'	0,005	0,010	0,001	4,971		0,000
в	0,028	0,027	0,002	-0,619		0,000
в'	0,011	0,008	0,001	-2,379		0,000
г	0,012	0,012	0,001	-0,298		0,000
г'	0,003	0,000	0,001	-3,901	-0,6	2,340
д	0,020	0,013	0,002	-3,696	0,6	-2,218
д'	0,017	0,009	0,002	-4,503		0,000
е	0,050	0,035	0,003	-5,055	1,1	-5,560
е'	0,039	0,045	0,003	2,157	1,1	2,373
ё	0,017	0,028	0,002	6,251	0,7	4,376
ж	0,008	0,005	0,001	-2,472	-0,7	1,730
з	0,013	0,011	0,001	-1,070		0,000
з'	0,002	0,002	0,001	0,472		0,000
и	0,041	0,023	0,003	-6,935	1,3	-9,016
и'	0,015	0,060	0,002	27,934	1,3	36,314
й	0,013	0,006	0,001	-4,693		0,000
к	0,030	0,049	0,002	8,451		0,000
к'	0,003	0,002	0,001	-0,753		0,000
л	0,020	0,020	0,002	0,182		0,000
л'	0,017	0,011	0,002	-3,479	1,2	-4,175
м	0,025	0,023	0,002	-1,069		0,000
м'	0,007	0,009	0,001	1,441		0,000
н	0,040	0,015	0,003	-9,470	0,6	-5,682
н'	0,024	0,027	0,002	1,307		0,000
о	0,067	0,046	0,003	-6,364	1,4	-8,909
о'	0,037	0,069	0,002	12,833	1,4	17,966
п	0,020	0,025	0,002	2,451		0,000
п'	0,006	0,004	0,001	-1,581	-0,6	0,949
р	0,024	0,017	0,002	-3,625		0,000
р'	0,014	0,010	0,002	-2,688		0,000
с	0,032	0,027	0,002	-2,297	-0,6	1,378
с'	0,017	0,020	0,002	1,949	-0,8	-1,559
т	0,055	0,034	0,003	-6,953		0,000
т'	0,020	0,019	0,002	-0,480		0,000
у	0,017	0,030	0,002	7,583		0,000
у'	0,012	0,029	0,001	12,106		0,000
ф	0,002	0,000	0,001	-3,381	-1	3,381
ф'	0,002	0,000	0,001	-3,381	-1,2	4,057
х	0,008	0,007	0,001	-0,837		0,000
х'	0,001	0,000	0,000	-1,971	-1,3	2,562
ц	0,004	0,001	0,001	-3,318	-1	3,318
ч	0,020	0,020	0,002	-0,008		0,000
ш	0,012	0,011	0,001	-0,662		0,000

щ	0,003	0,001	0,001	-3,174		0,000
ы	0,010	0,006	0,001	-3,066	-0,6	1,840
Ы	0,006	0,017	0,001	10,592	-0,6	-6,355
э	0,004	0,000	0,001	-4,786	1	-4,786
э'	0,001	0,003	0,000	4,313	1	4,313
ю	0,004	0,004	0,001	0,458		0,000
Ю	0,002	0,006	0,001	7,288	1,2	8,746
я	0,013	0,004	0,001	-5,745	1,2	-6,894
Я	0,011	0,028	0,001	12,092	1,2	14,511
		1,000				
Суммарный показатель участия данного признака в создании общей фонетической значимости речи						57,954

В Таблице 3 представлены результаты анализа речи *Волка* по шкале *женственный – мужественный*.

Таблица 3.

Звуко-буквы	Нормальная частотность звуко-букв (%)	Частотность звуко-букв в сказках	σ	Величина отклонений частотностей звуко-букв от нормы	Величина отклонений значимости звуко-букв от нейтральной точки шкалы	Вклад каждой звуко-буквы в общий звуковой тон сказки
а	0,049	0,031	0,005	-4,063	-0,7	2,844
á	0,046	0,106	0,004	13,678	-0,7	-9,574
б	0,013	0,011	0,002	-0,867		0,000
б'	0,005	0,009	0,001	2,545		0,000
в	0,028	0,011	0,003	-4,814	-0,9	4,332
в'	0,011	0,007	0,002	-1,830		0,000
г	0,012	0,012	0,002	0,114		0,000
г'	0,003	0,000	0,001	-2,239		0,000
д	0,020	0,018	0,003	-0,699		0,000
д'	0,017	0,013	0,003	-1,591		0,000
е	0,050	0,028	0,005	-4,916		0,000
é	0,039	0,053	0,004	3,342		0,000
ë	0,017	0,012	0,003	-1,816	0,8	-1,453
ж	0,008	0,006	0,002	-1,238		0,000
з	0,013	0,008	0,002	-1,975		0,000
з'	0,002	0,004	0,001	2,030		0,000
и	0,041	0,018	0,004	-5,555	1,1	-6,111
ú	0,015	0,077	0,003	24,399	1,1	26,839
й	0,013	0,005	0,002	-3,453		0,000
к	0,030	0,057	0,004	7,664		0,000
к'	0,003	0,001	0,001	-1,474		0,000

л	0,020	0,019	0,003	-0,401		0,000
л'	0,017	0,017	0,003	0,028		0,000
м	0,025	0,032	0,003	2,265		0,000
м'	0,007	0,005	0,002	-1,252	1	-1,252
н	0,040	0,015	0,004	-6,018	-1	6,018
н'	0,024	0,017	0,003	-2,299	0,7	-1,609
о	0,067	0,039	0,005	-5,275	-0,7	3,692
ó	0,037	0,065	0,004	7,038	-0,7	-4,927
п	0,020	0,017	0,003	-0,998		0,000
п'	0,006	0,002	0,002	-2,629	0,8	-2,103
р	0,024	0,009	0,003	-4,623	-1,7	7,859
р'	0,014	0,009	0,002	-2,133		0,000
с	0,032	0,023	0,004	-2,388		0,000
с'	0,017	0,015	0,003	-0,781		0,000
т	0,055	0,047	0,005	-1,709		0,000
т'	0,020	0,010	0,003	-3,539	0,6	-2,124
у	0,017	0,030	0,003	4,722	-0,8	-3,778
ú	0,012	0,041	0,002	12,797	-0,8	-10,238
ф	0,002	0,000	0,001	-2,139		0,000
ф'	0,001	0,000	0,001	-1,512	0,8	-1,210
х	0,008	0,005	0,002	-1,708	-0,6	1,025
х'	0,001	0,000	0,001	-1,512	0,8	-1,210
ц	0,004	0,001	0,001	-2,366	-0,3	0,710
ч	0,020	0,019	0,003	-0,251		0,000
ш	0,012	0,013	0,002	0,498		0,000
щ	0,003	0,005	0,001	1,970		0,000
ы	0,010	0,002	0,002	-3,752	-0,8	3,001
ы́	0,006	0,025	0,002	12,002	-0,8	-9,601
э	0,004	0,000	0,001	-3,029	-0,6	1,817
э'	0,001	0,002	0,001	1,136	-0,6	-0,682
ю	0,004	0,002	0,001	-1,371	1,4	-1,920
ю́	0,002	0,002	0,001	-0,266	1,4	-0,372
я	0,013	0,004	0,002	-4,007	-0,6	2,404
я́	0,011	0,021	0,002	4,589	-0,6	-2,754
		1,000				
Суммарный показатель участия данного признака в создании общей фонетической значимости речи						-0,373

Результаты анализа речи *Лисы* по шкале *женственный – мужественный* отображены в Таблице 4.

Таблица 4.

Звуко-буквы	Нормальная частотность звуко-букв (%)	Частотность звуко-букв в сказках	σ	Величина отклонений частотностей звуко-букв от нормы	Величина отклонений значимости звукобукв от нейтральной точки шкалы	Вклад каждой звуко-буквы в общий звуковой тон сказки
а	0,049	0,024	0,003	-8,740	-0,7	6,118
á	0,046	0,078	0,003	11,606	-0,7	-8,124
б	0,013	0,010	0,001	-2,239	-1,3	2,910
б'	0,005	0,010	0,001	4,971		0,000
в	0,028	0,027	0,002	-0,619		0,000
в'	0,011	0,008	0,001	-2,379		0,000
г	0,012	0,012	0,001	-0,298		0,000
г'	0,003	0,000	0,001	-3,901		0,000
д	0,020	0,013	0,002	-3,696	-1,5	5,544
д'	0,017	0,009	0,002	-4,503		0,000
е	0,050	0,035	0,003	-5,055		0,000
é	0,039	0,045	0,003	2,157		0,000
ë	0,017	0,028	0,002	6,251	0,8	5,001
ж	0,008	0,005	0,001	-2,472		0,000
з	0,013	0,011	0,001	-1,070		0,000
з'	0,002	0,002	0,001	0,472		0,000
и	0,041	0,023	0,003	-6,935	1,1	-7,629
ú	0,015	0,060	0,002	27,934	1,1	30,727
й	0,013	0,006	0,001	-4,693		0,000
к	0,030	0,049	0,002	8,451		0,000
к'	0,003	0,002	0,001	-0,753		0,000
л	0,020	0,020	0,002	0,182		0,000
л'	0,017	0,011	0,002	-3,479	1,2	-4,175
м	0,025	0,023	0,002	-1,069		0,000
м'	0,007	0,009	0,001	1,441	1	1,441
н	0,040	0,015	0,003	-9,470	-1	9,470
н'	0,024	0,027	0,002	1,307	0,7	0,915
о	0,067	0,046	0,003	-6,364	-0,7	4,455
ó	0,037	0,069	0,002	12,833	-0,7	-8,983
п	0,020	0,025	0,002	2,451	-0,6	-1,471
п'	0,006	0,004	0,001	-1,581	0,8	-1,265
р	0,024	0,017	0,002	-3,625	-1,7	6,162
р'	0,014	0,010	0,002	-2,688		0,000
с	0,032	0,027	0,002	-2,297		0,000
с'	0,017	0,020	0,002	1,949	1	1,949
т	0,055	0,034	0,003	-6,953		0,000

т'	0,020	0,019	0,002	-0,480	0,6	-0,288
у	0,017	0,030	0,002	7,583	-0,8	-6,066
ý	0,012	0,029	0,001	12,106	-0,8	-9,685
ф	0,002	0,000	0,001	-3,381		0,000
ф'	0,002	0,000	0,001	-3,381	0,8	-2,705
х	0,008	0,007	0,001	-0,837		0,000
х'	0,001	0,000	0,000	-1,971	0,8	-1,576
ц	0,004	0,001	0,001	-3,318		0,000
ч	0,020	0,020	0,002	-0,008		0,000
ш	0,012	0,011	0,001	-0,662		0,000
щ	0,003	0,001	0,001	-3,174		0,000
ы	0,010	0,006	0,001	-3,066	-0,8	2,453
ы́	0,006	0,017	0,001	10,592	-0,8	-8,473
э	0,004	0,000	0,001	-4,786	-0,6	2,872
э́	0,001	0,003	0,000	4,313	-0,6	-2,588
ю	0,004	0,004	0,001	0,458		0,000
ю́	0,002	0,006	0,001	7,288	1,4	10,204
я	0,013	0,004	0,001	-5,745	-0,6	3,447
я́	0,011	0,028	0,001	12,092	-0,6	-7,255
		1,000				
Суммарный показатель участия данного признака в создании общей фонетической значимости речи						23,384

Фоносемантический анализ звукобуквенного состава речи персонажей показал, что по шкале *хороший – плохой* речь *Волка* оценивается в 50,248, а речь *Лисы* в 57,954. Это может говорить о том, что речь *Лисы* оценивается чуть лучше и звучит несколько приятнее, чем речь *Волка*. Можно предположить, что это связано с тем, что согласно соционике, *Лиса* является этиком. Напомним, что этики отличаются умением правильным образом строить речь, делая её приятной для восприятия, и умением манипулировать незаметно для слушающего. *Волк* в фоносемантическом отношении оценивается немного ниже, что может подтверждать положительный характер данного персонажа, но при этом свидетельствовать о его косноязычии.

Фоносемантический анализ речи персонажей по шкале *женственный – мужественный* показал, что речь *Волка* оценивается в -0,373, а речь *Лисы* в 23,384. *Лиса* в фоносемантическом отношении оказывается намного более *женственной*, нежели *Волк*, что кажется вполне закономерным. *Лиса*, как этик, действует более мягкими способами, в то время, как *Волк* (логик) характеризуется более решительными поступками, свойственными мужскому типу поведения.

В заключение, можно отметить, что фоносемантический анализ может оказаться эффективным средством изучения звукового ореола речи персонажей народных сказок о животных.

Литература:

Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: полное издание в одном томе. / А.Н. Афанасьев. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010. 1087с.: ил.

Ермак, В.Д. Классическая соционика. Системная концепция теории информационного метаболизма психики / В.Д. Ермак. – М.: Чёрная белка, 2009. 472 с.

Журавлёв, А.П. Фонетическое значение. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974. 159 с.

Журавлёв, А.П. Звук и смысл. Кн. для внеклас. чтения учащихся старших классов. – 2-е изд., испр. и доп.– М.: Просвещение, 1991. 160 с: ил.

Крегер, О. Типы людей: 16 типов личности, определяющих, как мы живём, работаем и любим / Отто Крегер, Дженет Тьюсон / пер. с англ. Ю.Ю. Ступак. – М.: АСТ: Астрель, 2007. 348 с.

Пропп, В.Я. Предисловие / В.Я. Пропп // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3-х т. Т. 1. – М.: ГИХЛ, 1957. С. III-XVI.

Пропп, В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. 413 с.

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОНОСЕМАНТИКИ

Докт. филол. наук О. И. Бродович (Санкт-Петербург)
olgabrodovich@yandex.ru

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ С.В.ВОРОНИНА

Безвременный уход из жизни С.В.Воронина, основателя фоносемантики как самостоятельной лингвистической дисциплины [Воронин 1982] оставил множество работ начатых и не законченных, идей, лишь намеком высказанных в статьях и в работе с учениками. Это заставляет нас по мере наших сил восполнять эти пробелы. Ниже я лишь намечу некоторые из проблем, подлежащих серьезной разработке, и приложу одну из неопубликованных работ С.В.Воронина. Эта работа хорошо показывает, как глубоко просматривал ее автор языковое пространство, как он умел увидеть вопрос там, где другие проходили мимо в поисках ответов на более очевидно возникающие вопросы. В самом деле, привычное лингвистическое мышление видит семантически значимые синтагматические отношения, начиная с морфем внутри производного слова. Однако в прилагаемой статье С.В.Воронин показывает нам, что интерпретации могут быть подвержены синтагматические отношения звуков, составляющих непроемный корень, если мы имеем дело со звукоизобразительным материалом.

Что касается первой из указанных мною выше задач, задачи дальнейшей разработки важнейших положений и концепций фоносемантики, хотелось бы обратить внимание коллег на следующее.

Особое положение термина 'фонема' в фоносемантике. С одной стороны, мы не можем без него обойтись при описании фонетического строения слова. Даже в работе «Основы фоносемантики» С.В.Воронин вынужден формулировать свои идеи словами «Звукоизобразительные функции фонем звукоимпульсных слов» (подчеркнуто мною – О.Б.). Но с другой стороны, он же обращал внимание фоносемасиологов на то, что в каждом конкретном случае фонема участвует в образовании звукоизобразительного слова не всеми своими признаками, а обычно каким-то одним (изредка – двумя) из своих признаков. Отсюда ввод в терминосистему фоносемантики понятия (и термина) «фонотип» [Воронин 2004] (См. также [Brodovich 2016]). Необходимость использования понятия «фонотип» заставляет исследователя поставить перед собой вопрос о том, какой именно признак рассматриваемой фонемы (на основании которого она и входит в данный фонотип) и почему именно (!) позволяет ей выполнить ту или иную изобразительную функцию. Без возможности ответить на данный вопрос никакое утверждение о звукоизобразительной роли той или иной фонемы не имеет под собой основания.

Малая разработанность звукоимпульсного материала (в классификации С.В.Воронина противопоставленного звукоподражательному). Звукоподражательные слова намного легче обнаруживаются – если, конечно, это не слова, далеко ушедшие от своих звукоизобразительных истоков. Этимологи относи-

тельно охотно допускают изобразительное происхождение таких слов. Поэтому эта лексика чаще оказывается объектом исследований. Звукосимволические же слова, то есть такие, где мотивом номинации является не звук, изучены очень мало даже в тех языках, которые чаще других были объектом специального внимания ученых. Для получения более полной и обоснованной картины в этой сфере нам нужны описания типов мотивов (мотивотипов в терминологии С.В.Воронина), выявляемых в ходе исследования этой лексики.

Особую проблему формирует изолированность нашего научного сообщества от остального исследовательского мира. Основную часть библиографического аппарата наших авторов составляют работы наших соотечественников. Но гораздо более плачевную ситуацию видим мы в зеркальном отношении, то есть в степени осведомленности остального научного сообщества о достижениях наших соотечественников. Это особенно досадно применительно к фоносемантике, где отечественная наука имеет весьма впечатляющие результаты – и все это практически неизвестно зарубежному исследователю. Это значит, что нам необходимо практиковать публикацию наших результатов по-английски и добиваться выхода наших сборников на мировую аудиторию. Этот краткий перечень, конечно, не покрывает всего поля подлежащих решению проблем, но он, мне кажется, заостряет внимание на самых насущных из них. Хочется надеяться, что фоносемантика в России и дальше будет развиваться и становиться частью мировой научной парадигмы.

Литература

Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982 (Переиздания – М., ЛЕНАНД).

Воронин С.В. Английские ономотопы. Фоносемантическая классификация. Изд-е 2-е. – СПб, 2004.

Brodovich, O.I. *The Phoneme and the Phonotype*. Journal of Siberian Federal University. Humanities @ Social Sciences 3 (2016 9). Pp. 620-624.

Приложение

Докт. филол. н. С.В.Воронин

ИНТРАСИНТАГМА В ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Когда речь идет о синтагматике применительно к семантике, чаще всего говорят о синтагматической обусловленности семантики производного или непроизводного слова «извне» – теми сочетаниями слов, в которые данное слово входит, и реже о синтагматической обусловленности производного слова «изнутри» – теми морфемами, которые это слово составляют. Вопрос же о «внутренней» синтагматической обусловленности семантики непроизводного, корневого слова исследователями до сих пор не ставился. Такое положение вещей понятно, когда мы имеем дело с незвукоизобразительной лексикой; иное дело – когда перед нами лексика звукоизобразительная (примарно мотивированная).

Невнимание к проблемам звукоизобразительной (ЗИ-) лексики обычно оправдывают «ограниченностью возможностей», «малочисленностью», «несущественностью» этой лексики. Между тем, эти аргументы основываются на заблуждении [Воронин 1982]. В основе здесь лежит прежде всего освященное многовековой языковедческой традицией отношение к слову как к принципиально произвольной, немотивированной сущности, а также некритическое приятие сосюрковского принципа произвольности языкового знака – принципа, который, по выражению Р. О. Якобсона, «сам оказывается произвольным» [Якобсон (Звегинцев) 1965]. Показательно, что никто из языковедов, специально изучавших примарно мотивированную лексику и имевших информацию «из первых рук», не разделяет мнения о «малочисленности», «несущественности» ЗИ-слов. Ныне уже совершенно ясно, что игнорировать ЗИ-лексику исследователь просто не вправе.

Не вправе он игнорировать и особенности синтагматики в ЗИ-системе. Одна же из этих особенностей – и, как об этом позволяет судить наш материал, особенность чрезвычайно существенная – заключается в том, что в ЗИ-системе языка семантика непроемного, корневого слова синтагматически обусловлена не только «извне», но и «изнутри» – теми фонемами, которые собственно и составляют это слово.

Рассмотрим эту особенность на примере наиболее четко организованной в системном отношении части ЗИ-лексики – на примере ономатопопов (звукоподражательных слов).

Изучение фонетического строения и ЗИ-функций фонотипов непроемных ономатопопов позволяет сделать определенные выводы, касающиеся их словообразовательного строения. Функция ономатопа в языке – отражение, обозначение звучания (сочетания звучаний). Функция же фонотипа ономатопа, как правило, – отражение, обозначение того или иного компонента (психо)акустического строения звучания (сочетания звучаний); содержанием фонотипов (и, тем самым, фонем) ономатопа, их значением являются, следовательно, обозначаемые компоненты (психо)акустического строения звучания (сочетания звучаний). Таким образом, в структурно-семантическом плане корень ономатопа – как, впрочем, и корень любого ЗИ-слова, не является неделимым. Как и любая морфема, корневая морфема ономатопа представляет собою единицу плана выражения, регулярно воспроизводимую согласно моделям данного языка и непосредственно соотносимую с единицей плана содержания. Однако, в отличие от корневых морфем незвукоизобразительной лексики, корневая морфема ономатопа не является минимальной единицей его структуры. В области звукоподражательной лексики минимальной единицей плана выражения, регулярно воспроизводимой согласно моделям данного языка и непосредственно соотносимой с единицей плана содержания, является акустический фонотип (в корне ономатопа). В этом смысле акустический фонотип сходен с морфемой незвукоизобразительной лексики. В свете отмеченного выше фонема в составе ономатопа предстает не просто как минимальная единица плана выражения, но как такая единица, которая через посредство акустического фонотипа соотносится с единицей плана содержания. Таким образом, корень ономатопа, как и

корень любого ЗИ-слова – фактически обладает (в отличие от корня незвукоизобразительного слова) сложной словообразовательной структурой.

Сравним обозначения удара с последующим резонаторным тоновым ударом (тоновые «послеударные» инстанты-континуанты в строгой терминологии, приводимой в [Воронин 2004]) в двух неродственных языках – английском и индонезийском.

Англ. *tang* ‘ударять в колокол, извлекая громкий звенящий звук’;
tong ‘издавать низкий звенящий звук (о колоколе при ударе)’;
bang ‘бам!’;

ting ‘издавать высокий негромкий звенящий звук (например, при ударе пули о жесткую преграду)’;

Индонез. *(le)tang* ‘звук удара молотом по металлу’;

bung (= *bong*) ‘подражание звуку удара в барабан’;

(le)bam ‘громкий звук от падения предмета на резонирующую поверхность’;

ting ‘звук колокольчика’;

cing [tʃiŋ] ‘звук от падения маленькой монеты на камень’.

Общая структура онома톱ов этого типа такова: взрывной согласный либо аффриката + краткий гласный + сонорный. Функция начального взрывного (или, в менее точном звукоизображении, аффрикаты) - передача взрывного, импульсного, «ударного» характера звучания в его начальной стадии: взрывной согласный акустически представляет собой удар. Функция конечного носового сонорного – передача тонового характера звучания в его конечной стадии: носовой сонорный акустически представляет собою тон. Функция срединного краткого гласного – передача высоты и интенсивности всего звучания в целом: низкий (по тону) интенсивный гласный передает более низкий, громкий (интенсивный) характер звучания, высокий же и неинтенсивный гласный передает более высокий, более тихий (неинтенсивный) характер звучания.

В акустической структуре звучания-денотата – четыре элементарных компонента: удар, резонаторный тон, высота звука, громкость звука. Первые два компонента представлены сегментно, сукцессивно (во временной последовательности), вторые два – супрасегментно, симультанно (в одновременности).

В фонемной структуре ономатопа – три компонента: взрывной, краткий гласный, носовой сонорный; все три даны сегментно, сукцессивно, синтагматически. При этом первый и третий компоненты элементарны, второй же неэлементарен. В нем совмещаются три элемента: тон (который в данном случае звукоизобразительно нерелевантен – эту функцию выполняет сонорный), высота звука речи и интенсивность. Эти два элемента звукоизобразительно релевантны.

Все компоненты звукоподражательной структуры (которую можно представить в виде модели, см. [Воронин 2004]) взаимосвязаны, все они (в пределах каждого данного типа онома톱ов) предполагают друг друга. Так, если в индонезийской модели заменить начальный взрывной (или аффрикату) носовым сонорным, например

(le)tang → *(de)ngang*

получим оноματοп совершенно другого типа: вместо обозначения удара с последующим тоновым неударом получаем обозначение чисто тонового неудара, то есть тона (в терминологии [Воронин 2004] получаем тоновый континуант). Слово *(de)ngang* имеет значение 'подражание вою сирены, гудению'. Наоборот, замена конечного носового сонорного взрывным, как например в

(le)tang → *tak*

переводит оноματοп в тип инстантов (обозначений удара). Слово *tak* имеет значение 'звук удара по дереву'.

Все сказанное заставляет сделать вывод, что мы вправе говорить о синтагматических отношениях в пределах ЗИ-корня. Ср. определение синтагматических отношений: «связи и зависимости между языковыми элементами (единицами любой сложности), одновременно сосуществующими в линейном ряду (тексте, речи), например, между соседними звуками (откуда явления сингармонизма, ассимиляции) ...» [БСЭ, т. 23, с. 428.]

Мы вправе также говорить о том, что непроемное звукоизобразительное слово, рассматриваемое как соположение (ряд) составляющих фонем, выступающих представителями определенных фонотипов, являет собою специфическую для ЗИ-системы языка разновидность внутренней синтагмы, или, в нашей терминологии, интрасинтагмы. Ср. определение: «Синтагма внутренняя ... Производное или сложное слово, рассматриваемое как соположение (ряд) составляющих морфем ...» [Ахманова, с. 240] .

Фоносемантическая синтагматика оказывается, таким образом, столь же реальной, сколь и фонетическая, морфологическая, синтаксическая синтагматика.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966

Большая советская энциклопедия. Изд-е 3-е. – М., 1976

Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982 (Переиздания – М, ЛЕНАНД).

Воронин С.В. Английские ономатопы. Фоносемантическая классификация. Изд-е 2-е. – СПб., 2004.

Якобсон Р.О. Выступление на I международном симпозиуме «Знак и система языка». – В кн. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX в.в. в очерках и извлечениях. Изд-е 3-е. М., 1965, ч. 2, с. 396.

Докт. филол. наук, канд. психол. наук А.В.Пузырёв (Орехово-Зуево)
puzyrev-a-v@yandex.ru

АНАФОНИЯ КАК ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО В ПЯТИ СТУПЕНЯХ СУЩНОСТИ ЯЗЫКА

Целостно-системному осмыслению *анафонии* как фоносемантического средства было посвящено соответствующее диссертационное исследование [А.В.Пузырёв, 1995]. Напомним, что под анафонией понимается такое синтаг-

матическое фоносемантическое средство (такая разновидность фоники)¹, сущность которого заключается в наличии звуковой переклички слов какого-либо сегмента со звуковым обликом наиболее важного по смыслу слова данного сегмента [А.В.Пузырёв, 2014, с. 265].

В нашем исследовании 1995 года говорилось о четырёх ступенях сущности анафонии – как феномена мышления, языка в собственном смысле этого слова, речи и коммуникации (общения).

В настоящее время несомненно, что следовало бы говорить о существовании анафонии на пяти ступенях сущности языка, о её существовании на уровнях: 1) мышления, 2) языка в собственном смысле этого слова, 3) психофизиологии, 4) речи и 5) общения.

Уточним базовые понятия.

Фоника (=звуковая организация художественной речи) – совокупность различных неканонизованных форм звуковой организации художественной речи (канонизованной формой звуковой организации стиха является рифма).

Анаграмма – такая неканонизованная форма звуковой организации, при которой звуковой состав того или иного важного по смыслу слова (слова-темы) полностью воспроизводится в тексте. Примером может служить отрывок из стихотворения Д.Д.Минаева:

*Бедняки снесут –
Сладко ли, не сладко ли –
Всё: по шее ль бьют,
Лупят под лопатку ли.
Сирому – сна нет,
Давит зло, как тать, его,
И один ответ –
Гнать, и гнать, и гнать его.*

(Д.Д.Минаев. Кумушки)

За словами «лупят под лопатку ли» скрывается «лупят подло Паткули», а за словами «гнать, и гнать, и гнать его» – «гнать и гнать Игнатъева». А.В.Паткуль и П.Н.Игнатъев (петербургские оберполицмейстер и военный губернатор) – усмирители студенчества [см.: Д.Д.Минаев, 1947, с. 418]. Две анаграммы в этом контексте одновременно являются и криптограммами.

Анафония – такая неканонизованная форма звуковой организации, при которой звуковой состав того или иного слова-темы воспроизводится в тексте не полностью. Примером анафонии могут служить известные пушкинские строки:

¹ Мы глубоко солидарны с замечанием С.В.Воронина о синтагматике в фоносемантике (применительно к ЗИ-системе языка. – А.П.): «Фоносемантическая синтагматика оказывается, таким образом, столь же реальной, сколь и фонетическая, морфологическая, синтаксическая синтагматика» (стр. 34 настоящего сборника). По нашему убеждению, фундаментальное разграничение парадигматического и синтагматического аспектов может быть отнесено ко всем без исключения фоносемантическим средствам языка, см. также [А.В.Пузырёв, 1990]. – А.П.

*Её сестра звалась Татьяна...
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.*

(А.С.Пушкин. Евгений Онегин)

Звуки имени Татьяна *рассыпаны* в тексте и воспроизводят это имя, хотя и не полностью. Заметим попутно, что в приведённом отрывке с анафоническим окружением имени «Татьяна» выделены – среди прочих – йотированные гласные (поскольку в собственном имени [j] присутствует).

Криптограмма – это анаграмма, где звуковой состав того или иного слова-темы имплицитно, зашифровывается в тексте и для его эксплицитного раскрытия, расшифровки требуются определенные фонетические, экстралингвистические знания. В приведённом выше стихотворении Д.Д.Минаева анаграмма выступает в качестве криптограммы.

Фонетическая гармония – это формы звуковой организации речи, не связанные с воспроизведением звукового состава важного по смыслу слова-темы.

Все перечисленные неканонизованные формы звуковой организации (вместе с рифмой, канонизованным звуковым повтором) входят в материально выраженные синтагматические фоносемантические средства.

Мышление.

Под мышлением понимается: 1) познавательный психический процесс, обеспечивающий отражение в психике субъекта связей и отношений, существующих между объектами и явлениями действительности; 2) процесс образования связей между образами, имеющимися в психике субъекта [А.Ф.Корниенко, 2010, с. 289].

Язык.

Иногда говорят, что язык является необходимым условием возникновения мышления, но всё обстоит наоборот: это мышление является необходимым условием возникновения языка. Язык может способствовать или не способствовать функционированию мышления, но не может быть необходимым условием возникновения мышления. Язык – это форма, т.е. способ организации мышления. Отношение языка и мышления изоморфно отношению формы и содержания.

Под языком понимается система языковых единиц и правил их использования, но сама эта система – всего лишь одна из форм мышления, точнее – один из способов организации мышления (сугубо идеальная сущность, которую ни потрогать, ни пощупать нельзя). В каком-то смысле – это инструмент (для человека), но язык сам по себе, язык в собственном смысле этого слова, – это идеальная сущность, изучать которую и есть прямой долг лингвистов. Дихотомия Соссюра «язык – речь» нами включается в более сложную парадигму – в пентахотомию «мышление – язык – психофизиология – речь – общение». По нашему убеждению, это абсолютно лингвистический подход, если он предполагает рассмотрение того или иного языкового феномена в целостно-системном виде.

Психофизиология.

Под психофизиологией обычно понимается область междисциплинарных исследований на стыке психологии и нейрофизиологии. Соответственно, психофизиология речи и мышления изучает функциональную роль разных областей мозга и их взаимосвязей в осуществлении речевых процессов.

В наших работах под психофизиологией, кроме соответствующей научной дисциплины, понимаются нервные (нейронные) механизмы психической деятельности, нейрофизиологический субстрат психики.

Наше обозначение словом *психофизиология* нейрофизиологического субстрата психики соответствует регулярной и продуктивной для русского языка модели – типичной форме обозначения науки и её объекта одним понятием, ср.:

– фонетика: 1) наука о звуках языка; 2) звуковой строй языка;

– семантика: 1) наука, изучающая значение различных единиц языка; 2) значение, смысл (отдельного слова, оборота речи);

– синтаксис: 1) наука о законах соединения слов и строения предложений; 2) система языковых категорий, относящихся к соединениям слов и строению предложений;

– морфология: 1) наука о частях речи, об их категориях и о формах слов; 2) система частей речи, их категорий и форм слов;

– фразеология: 1) наука об устойчивых выражениях и конструкциях; 2) совокупность устойчивых выражений и конструкций в языке и т.п.

Речь.

Речь – это то или иное обнаружение (выражение) языка, его внешние формы существования. Речь – это то, во что превращается язык, это то, в чем он материализуется. Речь – это та реальность, которая обладает материальными признаками, это то, что предстаёт, по К.Марксу, «в виде движущихся слоев воздуха».

На этой ступени сущности мы не можем говорить о смысле сказанного – мы можем говорить о наличии только лишь определённого содержания. Исследование речи, однако, не составляет задачи лингвистики: задачу любой науки составляет постижение сущности предмета, и потому в задачи лингвистики прежде всего входит постижение ненаблюдаемой сущности, а именно языка.

Речь предстаёт перед нами отнюдь не как «использование», «употребление» языка (довольно обычные определения термина «речь» в лингвистических сочинениях), но как само существование языка в пространстве и времени. Речь – это необходимое и вместе с тем случайное проявление качеств языка (диалектика необходимого и случайного – в силу ограниченности рамок изложения – здесь не рассматривается).

Общение.

Под общением понимается процесс взаимодействия людей друг с другом, процесс их включения в деловую или дружескую связь. Только в общении (с кем-либо, а иногда с самим собой) речь выражает не содержание, а личностно-ориентированный смысл: один и тот же текст существует столько раз, сколько раз его читали и воспринимали.

Внутри общения следует различать коммуникацию, квази- и псевдокоммуникацию (наше разграничение этих понятий см.: [А.В.Пузырёв, 2014, с. 42-13]).

Коммуникация – это взаимодействие субъектов с помощью знаковых средств языка, но не любое такое взаимодействие. Это взаимодействие, вызванное потребностями совместной деятельности и направленное на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнера.

Речевое общение – это *действительность* языка, его актуально наличное бытие, т.е. подлинное бытие. Мёртвые языки в этом смысле – это языки, потерявшие свою действительность, свое актуально наличное бытие, это языки, переставшие быть средством общения.

Заметим попутно, что используемый нами метод предполагает последовательный учёт генетического, логико-структурного, динамического, функционального, идиостилевого аспектов. На каждой ступени сущности последовательное расположение этих аспектов имеет свои особенности.

Что есть **анафония на уровне мышления**? На этом уровне исследователь пользуется полагающей рефлексией и устанавливает психологические предпосылки и корреляты анафонии. Понятие «предпосылки» шире понятия «корреляты»: все психологические корреляты анафонии одновременно являются и ее психологическими предпосылками, но отнюдь не все психологические предпосылки анафонии могут быть признаны ее коррелятами.

Генетический аспект. При рассмотрении психологических предпосылок анафонии следует учитывать различные виды мышления, установку как основание для конструирования художественно-литературной реальности, сознательное/бессознательное психическое, фундаментальную человеческую потребность извлекать смысл из окружающего мира и делать это при произвольном контроле, бисексуальность как одну из предпосылок идиостиля, а также персеверации как психологический субстрат (коррелят) анафонии.

Идиостилевой аспект. Именно к психологическим предпосылкам анафонии относится характер мышления конкретной творческой личности: быстро или медленно она пишет, осуществляет творческий процесс в голове или на бумаге, в большей степени доверяет интуиции или рассудку. Но независимо от характера художественного мышления любой поэт или писатель обладает обострённым языковедным мышлением, и звуковая сторона речи (хотя бы время от времени) не может не осознаваться этим писателем или поэтом. Степень допустимости звуковых повторов (и, в частности, анафонии) в языковом сознании конкретных языковых личностей оказывается различной и во многом зависит от того, в каком качестве эта личность предстаёт – в качестве поэта или писателя.

Функциональный аспект. На уровне оснований анафонии принципиально важным оказывается вопрос о функциях звуковых повторов в языковом мышлении той или иной личности. Языковое мышление принципиально не наблюдаемо, и потому вопрос о функциях звуковых повторов (в частности – анафонии) в языковом мышлении личности предстаёт здесь как вопрос об оценке звуковых повторов мыслящей личностью, как вопрос о бытии звуковых повторов в метаязыковом мышлении личности. Важным оказывается следующее:

1) Как в стихе, так и в прозе прагматика звуковых повторов во многом зависит от того, кто является субъектом прагматического оценивания — сам автор или его читатель. Любопытно, но у отправителя речи прослеживается тенденция оценивать звуковую сторону своей речи выше, чем это обычно делает читатель.

2) Прагматика звуковых повторов в большой степени зависит от степени осознаваемости этих языковых средств: в стихе наибольшей иллюкутивной силой обладают неосознаваемые — как поэтом, так и читателем — звуковые повторы; что же касается прозы, то фиксация в языковом сознании читателя нарочитых звуковых повторов воспринимается им как нарушение культурно-речевых норм и обычно вызывает негативную реакцию, вплоть до реакции отторжения, — а прагматика неосознаваемых звуковых повторов в прозе потребовала специальных исследований (результаты их см.: [А.В.Пузырёв, 1995, 2014]).

Динамический аспект. Конкретное исследование динамических аспектов анафонии в мыслительной деятельности позволило нам сделать следующие выводы:

1. Поскольку художественное постижение мира изначально проходит через стадию праобраза («зародыша идеи», «звучащего слепка формы»), а звучащий праобраз — «звукообраз» — во многом предопределяет результаты мыслительной деятельности поэта, постольку звуковые повторы, звуковые ассоциации оказываются изначально причастными к стиховому познанию мира.

2. Звукообраз (одна из разновидностей праобраза) — это тот феномен, который служит психологическим основанием для анафонии как динамического, развертывающегося во времени и пространстве процесса.

3. Массовый, поставленный под руководством автора ассоциативный эксперимент показал, что звуковая организация речи (в конечном счете — языка) в известной степени предопределяет продукт мыслительной деятельности, причем этот вывод получен на материале как русского, так и татарского языков — языков, принадлежащих к различным языковым семьям и морфологическим типам.

4. Проведенный эксперимент показал также, что мышление женщин в большей степени восприимчиво — по сравнению с мужским полом — к звуковой организации речи. Он подтвердил также, что знание языков — фактор, повышающий остроту языкового восприятия, мощный фактор развития языкового чутья. Степень выраженности «художественного» начала в человеке тоже является одним из факторов выбора и употребления слов по звуковым соображениям.

5. Общечеловеческий характер воздействия звуковых ассоциаций на мыслительный процесс проявляется и в феномене «народной этимологии», в явлении, которое существует если не во всех, то во многих языках.

Логико-структурный аспект. Чрезвычайно важно указать на логическую соотнесенность базовых понятий метаязыкового мышления. К таким понятиям относятся: деятельность (мыслительная — языковая — речевая — коммуникативная), активность, психика, сознание и бессознательное; мышление, язык, речь и коммуникация; текст. В указанных выше работах нами было показано, что и

деятельность, и текст могут быть рассмотрены на уровнях мышления, языка, физиологии, речи и общения.

Что есть **анафония на уровне языка**?

Как уже говорилось, язык не дан человеку в непосредственном наблюдении. На этом уровне, языка в собственном смысле этого слова, господствует предполагающая рефлексия (см. также: [А.А.Гагаев, 1991, с. 185]).

Генетический аспект.

1. Языковым основанием анафонии является зона ассоциативно-звуковых пересечений в языке – ассоциативно-звуковая парадигма (в нашем случае – русского) языка. Эта макропарадигма имеет полевою структуру и характеризуется наличием центра (ядра) и периферии.

2. Парадигматические отношения внутри ассоциативно-звуковой парадигмы проявляются в существовании омонимов, паронимов и анаграмм (в традиционном, дососюрковском их толковании); синтагматические отношения внутри ассоциативно-звуковой парадигмы языка обнаруживаются в наличии внутри языка всякого рода звуковых повторов, в частности – паронимической аттракции, "привычных" рифм (не говоря уж об анафонии, предмете нашего исследования).

3. Внутри ассоциативно-звуковой парадигмы языка различается направленность ассоциаций от семантики к звучанию и от звучания к семантике. Направленность ассоциаций от семантики к звучанию проявляется в том, что слова-синонимы в целом обладают большим фонетическим сходством, чем слова-антонимы (Л.В.Быстрова и В.В.Левицкий). Ассоциации, идущие от звучания к семантике, реализуются в языке в виде звукового символизма и ономастопеи, а также безотчетной вербализации звуковых эффектов неязыкового происхождения.

4. Наиболее очевидным образом ассоциативно-звуковая парадигма языка проявляется в случаях ее игнорирования – например, при образовании аббревиатур или при отсутствии внимания к эффектам стечения слов в речевом потоке.

5. В филогенетическом аспекте ассоциативно-звуковая парадигма восходит к языковым фонационным монолитам и является результатом саморасщепления этих протоязыковых фонационных монолитов. Протоязыковая изобразительность (иконичность) фонационных монолитов проявляется и в современном языке, трансформировавшись в экспрессивность знаков-символов.

В онтогенетическом аспекте становление ассоциативно-звуковой парадигмы языка протекает параллельно становлению языкового и метаязыкового мышления и наиболее заметно в известном возрасте "от 2-х до 5-ти". В момент, когда ребенок начинает говорить, он уже имеет сложившуюся – в самых общих контурах – ассоциативно-звуковую макропарадигму, которая становится фактором активного осмысления и преобразования новых слов и выражений и в результате такого осмысления подвергается все большему и большему уточнению. Ассоциативно-звуковая парадигма языка в онтогенезе складывается раньше, нежели представления о норме, и между влияниями этих факторов могут быть обнаружены несовпадения.

6. Различная ассоциативная сила слов различных частей речи, максимум ассоциативных возможностей имени существительного предопределил выбор этой части речи – в плане анафонических исследований – как наиболее предпочтительной (а внутри этой части речи – существительных конкретных). Одной из грамматических предпосылок проявления ассоциативных возможностей у сближающихся в звуковом отношении слов является употребление одного из них в именительном падеже.

Логико-структурный аспект. Он предполагает своего рода возвращение к первоначальному, исходной «первоклеточке» исследования. По отношению к анафонии это означает логическое определение и уточнение лингвистических понятий, необходимых для точного и, по возможности, всестороннего понимания сущности анафонии.

1. Устанавливается, что разграничение тематических, опорных и ключевых слов тесно связано с известной иерархией коммуникативных единиц. Если тематические и опорные слова имеются в коммуникативной единице любого уровня, то ключевые слова могут использоваться в коммуникативной единице, предполагающей композиционную оформленность. В тексте ключевым может быть и слово, и словосочетание, и предложение, и сложное синтаксическое целое. Хотя употребление ключевых элементов в большей степени свойственно текстам стихотворного языка, оно может наблюдаться и в прозе.

2. Разграничение опорных и ключевых слов перспективно тем, что может использоваться при изучении не только текстов, но и языка как системы подсистем на каком-то его синхронном срезе.

3. Основным параметром, выделяющим ключевой элемент из опорных, является семантико-стилистическая вариативность: ключевой элемент текста представляет собой единицу, семантически (и стилистически) не равную самой себе в начале и конце порождения (восприятия) текста.

4. По степени выраженности активного начала внутри ключевых слов можно выделить ключевые слова: 1) формируемые текстом, 2) формирующие текст.

Ключевые слова, формируемые текстом, являются объектом художественного мышления и характеризуются максимальной (вплоть до изменения референтной отнесенности) семантико-стилистической вариативностью, меньшей вариативностью формы, пассивной ролью в композиции, высокой степенью совпадения с названием текста – и чаще всего выражаются именем существительным.

Ключевые слова, формирующие текст, являются в художественном мышлении порождающим началом и характеризуются меньшей (по сравнению с первой группой) семантико-стилистической вариативностью, большей вариативностью формы, доминирующей ролью в композиции, значительно меньшей ролью названия в тексте – и могут выражаться любой частью речи.

Есть все основания предполагать, что ключевые слова второй группы чаще, чем первой, образуют анафонические отношения.

5. Сама возможность переноса разграничения опорных и ключевых слов с «уровня текста» на «уровень языка как системы подсистем» (уровни, предло-

женные А.И.Горшковым) позволяет разграничивать в анафонии контекстуальные, текстовые и общезыковые явления.

6. При решении вопроса об анафонической организации текста с ключевым элементом (не словом) исследователю достаточно: 1) определить ключевой элемент текста; 2) выделить в этой единице наиболее информативные звуки (звуки, выдвинутые повтором, ударением, позицией в строке и т.п.); 3) установить факт превышения этими речевого фона (или факт совпадения с этим фоном); 4) сделать вывод о наличии-отсутствии анафонии текстового характера, о степени выраженности текстовой анафонии.

7. Факт превышения звуками слова-темы их обычной встречаемости в тексте того или иного поэта может устанавливаться только по отношению к обычной частотности этих звуков в речи того же самого поэта.

8. Вопрос о предпочтительности фонологической, звуковой, буквенной или звукобуквенной субстанции в анафонических использованиях был решён нами в пользу звуковой субстанции. Причин для такого выбора у нас несколько: 1) эта субстанция в большей степени отражает реальное звучание художественной речи; 2) ее выбор в большей степени соответствует преемственному характеру нашего исследования, восходящего к анаграмматическим поискам Ф.де Соссюра; 3) изучая звуковую субстанцию анафонии, исследователь получает больше шансов приблизиться к речевой манифестации бессознательного психического, к наиболее интимным проявлениям языковой личности.

Динамический аспект анафонии на уровне языка преломляется в виде частных проблем «Анафония и языковая деятельность», «Сущность анафонии как процесса», «Закон развития анафонии». Проведённое обсуждение поставленных проблем позволило обозначить следующие моменты.

1. С точки зрения слова-темы, анафония – как динамический процесс – выступает в качестве материализации ассоциативно-звуковой валентности слова-темы. С точки зрения слов, созвучных слову-теме, анафония предстает как процесс включения этих слов в доминирующую звуковую тему фразы (или текста). Для обозначения динамического характера анафонии нами используется именование "анафония как процесс".

2. Широта ассоциативно-звуковой валентности слова-темы определяется общезыковой частотностью звуков, слогов и звукосочетаний, входящих в состав слова-темы.

3. Анафония как процесс достаточно определенно вписывается в существующие представления о языковой деятельности. Степень ее проявленности, очевидно, зависит от характера языковой деятельности: если речепорождение осуществляется безостановочно, без пауз, то вероятность появления анафонии повышается; если же языковая деятельность характеризуется рассогласованностью уровней речепорождения (различного рода "муки слова"), то степень проявления анафонии как процесса снижается – кроме тех немногих случаев, когда создание анафонических эффектов осознается субъектом как цель его речевой деятельности.

4. Степень анафоничности конкретного текста, вероятно, может свидетельствовать о характере протекания речевой деятельности, результатом которой данный текст является.

5. Анафония как процесс, подчиненный процессу мышления на стихотворном языке, может быть признана типологической характеристикой стиха. Для прозы анафония скорее всего является "минус-процессом", который если и прорывается в сферу речевой реальности, то только благодаря языковому подоснованию, что, в свою очередь, делает изучение анафонии в прозе более предпочтительным.

6. Если отвлечься от – произвольного или не-произвольного — характера языковой деятельности, то, думается, анафония как процесс в большей степени характеризует не нулевое, а материально выраженное слово-тему: такое слово имеет намного больше шансов – хотя бы в силу неоднократности своего употребления – реализовать свою ассоциативно-звуковую валентность.

7. Анафония как процесс, с одной стороны, зависит от характера языковой деятельности, а с другой – сама является одним из факторов порождения высказывания.

8. Проведенный под руководством автора свободный ассоциативный эксперимент с квазисловом показал, что в смоделированной ситуации встречи носителя языка с незнакомым словом у субъекта в первую очередь появляются ассоциации звуковые. Затем их сменяют мысли "о своем". В третью очередь человек задается вопросом: "Что же именно это слово значит?" – но лишь в самую последнюю очередь человек отказывается думать об этом слове. Доминирующая позиция звуковых ассоциаций в данном случае доказывает их огромное значение для языкового поведения личности.

Функциональный аспект.

1. К наиболее общим функциям анафонии относятся: 1) эмотивная, 2) воздействия (внутри нее – волюнтаривная, экспрессивная и магическая функции), 3) гносеологическая, 4) эстетическая функции. К относительно специфическим относятся выделительная функция анафонии (функция интенсификации, функция акцентуации), а также функция создания, подкрепления "тесноты ряда" и эвфоническая функция. Следует подчеркнуть многофункциональность и вытекающую из этого высокую иллюкутивную силу изучаемого языкового явления (как и звуковых повторов вообще).

2. Следует разводить понятия «норма» и «мера» в использовании анафонии.

3. Нормы письменных форм языка хотя и допускают – в большей или меньшей степени, при условии контекстуальной или ситуативной мотивированности – актуализацию ассоциативно-звуковой парадигмы, все-таки они ограничивают действие ассоциативно-звуковой парадигмы языка и в обычной речи запрещают носителю языка ставить созвучные слова рядом. Исключением здесь оказывается стихотворный язык (и субъязык рекламы), где действия литературных норм и ассоциативно-звуковой парадигмы языка друг другу не противоречат и полностью совпадают.

Что касается художественной прозы, то в ней наблюдается определенное противоречие между всеобщим по своему основанию явлением (анафонией) и элиминацией этого явления со стороны литературных норм, т.е. противоречие влияний языковой системы и социальных установлений. Поскольку великие мастера слова руководствуются в своем творчестве не соблюдением норм, а чувством меры, предположение об активном использовании анафонии крупнейшими мастерами прозы становится основной гипотезой, проверяемой на уровне речевой реальности данного языкового явления.

Идиостилевой аспект. Выяснение индивидуальной предрасположенности поэтов и писателей к использованию звуковых повторов в языке художественной литературы позволяет утверждать, что поэты и писатели обнаруживают различную предрасположенность к активному использованию анафонии:

1) если для поэтов анафония желательна, а степень ее использования во многом определяется тяготением поэта к напевной или говорной интонации, принадлежностью к тому или иному литературному направлению, индивидуальными свойствами языковой личности, а также ее композиционными пристрастиями,

2) то для большинства писателей активное использование анафонии как разновидности звуковых повторов недопустимо и вроде бы не должно иметь места.

Анафония на уровне психофизиологии.

Для нас эта ступень сущности анафонии оказалась наименее исследованной, и в настоящем обсуждении ограничимся постановкой вопросов предварительного характера.

Идиостилевой аспект требует поставить вопрос о взаимосвязи анафонии с биологической силой мастера слова. Связь биологической силы писателя с характером его детства была обозначена в [А.В.Пузырёв, 2015]. Были выделены две группы писателей: писатели, в целом тяготеющие: 1) к небольшому объёму произведений, 2) к значительному объёму своих текстов. Так, например, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, А.П. Чехов, А.И. Куприн, И.А. Бунин тяготеют к малым прозаическим формам, тогда как В. Гюго, О. де Бальзак, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и М.А. Шолохов тяготеют к эпическим формам повествования. Оказалось, что практически всем писателям первой группы в детстве не хватало любви и обожания со стороны родителей. У писателей второй группы, тяготеющих к большим прозаическим формам, напротив, детство характеризуется безусловным наличием родительской любви (что, в свою очередь, способствовало формированию фундаментальной установки *жить*). Биологическая сила писателей второй группы, в частности, проявилась и в том, что они в среднем прожили на десять лет больше, нежели писатели первой группы.

Функциональный аспект. Биологическая сила писателя прямо пропорциональна энергии мыслящей личности, обладающей «магнетическими свойствами» [Д.Карнеги, 1989, с. 386], т.е. обеспечивает заразительность искусства вообще и художественной речи в частности.

В указанном аспекте нам чрезвычайно импонирует мнение В.Г.Белинского в пятой статье о сочинениях Александра Пушкина: «Каждое поэтическое произведение есть плод могучей мысли, овладевшей поэтом. Если б мы допустили, что эта мысль есть только результат деятельности его рассудка, мы убили бы этим не только искусство, но и самую возможность искусства. В самом деле, что мудрёного было бы сделаться поэтом, и кто бы не в состоянии был сделаться поэтом по нужде, по выгоде или по прихоти, если б для этого стоило только придумать какую-нибудь мысль, да и втискать её в придуманную же форму?.. Искусство не допускает к себе отвлечённых философских, а тем менее рассудочных идей: оно допускает только идеи поэтические, а поэтическая идея – это не силлогизм, не догмат, не правило, это – живая страсть, это – пафос...» [В.Г.Белинский, 1981, с. 249]

Динамический аспект анафонии. Нами было высказано предположение, что мощь творческого процесса (состояние вдохновения) неизбежно должно проявиться и в функционировании анафонии. Если языковая деятельность характеризуется параллельностью действия всех уровней порождения высказывания (литературное творчество в состоянии вдохновения), то механизм слухового и зрительного контроля ослабляется. В результате ослабления слухового и зрительного контроля «звуковой комплекс предшествующего слова может повлиять на порождение следующего слова, звуковой комплекс которого получается близким к предыдущему» [Ю.В.Красиков, 1980, с. 99], т.е. возрастает вероятность появления анафонии – по сути своей служащей языковым коррелятом персевераций, языковым результатом действия «ловушек возбуждения» Лоренте де Но [А.В.Пузырёв, 2014, с. 149].

Логико-структурный аспект предполагает установление логической соотнесённости таких понятий, как функциональная асимметрия мозга, объем оперативной памяти, особенности раздражительного и тормозного процессов, синестезия, а также доминанта А.А.Ухтомского и «ловушки возбуждения» Р. Лоренте де Но.

Генетический аспект. Нами было сформулировано, что анафония имеет вполне определённую психофизиологическую реальность. К психофизиологическим предпосылкам анафонии относятся функциональная асимметрия мозга, объем оперативной памяти, особенности раздражительного и тормозного процессов, синестезия, а также доминанта А.А. Ухтомского и "ловушки возбуждения" Р. Лоренте де Но как психофизиологический субстрат (коррелят) анафонии.

Анафония на уровне речи.

Логико-структурный аспект предполагает решение вопроса критериев выделения анафонических фактов. Таким критерием – кроме наличия самого слова-темы и, если это возможно, подтверждений внешнего порядка – может быть только факт превышения звуками и звукосочетаниями слова-темы языкового фона как коррелята «среднего» порога восприятия или речевого фона как отражения обычной частотности звуков.

Приведены данные о нормальном распределении звуков и звукобукв в русской стихотворной речи (всего обработано 100 000 звуков – результаты полу-

чены М.П.Болотской и А.В.Болотским). В силу того, что частотность звуков в стихотворной речи известна, вопрос о наличии-отсутствии факта анафонии в каждом конкретном случае может быть решен без всяких затруднений.

Использование полученных данных о частотности звуков в стихотворной речи по отношению к художественной прозе означает ужесточение требований к обнаружению явлений анафонии в прозе, т.е. повышает надежность результатов.

2. Надежность результатов обеспечена и общей ориентацией на такую разновидность опорных слов, как собственные имена. Собственные имена, с одной стороны, при прямом номинативном употреблении воплощают максимум конкретности (т.е. максимум информативных, ассоциативных и экспрессивных возможностей), а с другой стороны – обеспечивают воспроизводимость результатов.

Динамический аспект анафонии предполагает рассмотрение статистических закономерностей анафонии на уровне речевой реальности.

1. Наблюдения над анафонией в стихотворной речи русских классиков показали, что включение тематических слов в те или иные звуковые повторы (исследование проводилось на материале собственных имен) является законом их использования, ср. использование дифонов в известных строках: "Промчалось много, много дней С тех пор, как юная Татьяна И с ней Онегин в смутном сне Явились впервые мне..." (А.Пушкин); "Не будь на то господня воля, Не отдали б Москвы" (М.Лермонтов) и т.п.

2. Пилотажное по своему характеру исследование анафонии в художественной прозе М.М.Пришвина и М.А.Шолохова показало, что коэффициент анафоничности здесь составляет 99,9 %, ср.: "Тяжело дыша, Лушка села на смятую постель" (М.Шолохов) или "Только очень трудно было Травке привыкать к дикой жизни" (М.Пришвин).

Обратив внимание на самые заметные разновидности звуковых повторов, типа: "Базаров сказал правду" (Тургенев), "Ростов не думал о том, что значит требование носилок..." (Толстой) или "...Старик Самсонов сам создавался" (Достоевский), мы обнаружили, что число ассоциатов, включающих указанные разновидности звуковых повторов в свой состав (далее – просто ассоциатов), измеряется тысячами, что в использовании этих ассоциатов обнаруживаются определенные закономерности:

1) Степень выделенности звуковых повторов и их количество находятся в отношениях обратной зависимости.

2) С увеличением расстояния от опорного слова вероятность ассоциатов к нему уменьшается. Чуть ли не 9 десятых всех ассоциатов располагаются от опорного слова не далее, чем на расстоянии в 7 фонетических слов.

3) Наибольшее количество ассоциатов находится в авторской речи и непосредственно связано с авторским повествованием.

4) Получила подтверждение гипотеза о том, что наличие или отсутствие звуковых скоплений вокруг слова-темы отражает интенсивность творческого процесса прозаика.

5) Среди ассоциатов к собственному имени персонажа обычно обнаруживается наиболее частый – ассоциативная доминанта. Ассоциативная доминанта – не столько формальная, сколько содержательная единица текста, ср. звучащую мелодию прилагательного “странный” рядом с именем Анны Карениной: «Ничего не было ни необыкновенного, ни *странного* в том, что человек заехал к приятелю в половине десятого узнать подробности затеваемого обеда и не вошел; но всем это показалось *странно*. Более всех *странно* и нехорошо это показалось *Анне*» (Л.Толстой 1984 т.7: 86).

Функциональный аспект. В рамках этого аспекта была рассмотрена проблема соотношения семантики и прагматики в анафонии на уровне речи. Были сделаны следующие выводы:

1. В русской классической литературе ассоциативные доминанты, демонстрируя параллелизм смысла и звучания, характеризуются семантической неопределенностью и прагматической насыщенностью.

2.1. Прагматический заряд большой силы несет в себе и обычные ассоциаты. Репрезентируя в речевой ткани повествования вдохновение писателя, они обеспечивают заразительность искусства. Сказанное, однако, применимо главным образом по отношению к неосознаваемым (в процессе творчества и, соответственно, восприятия) звуковым повторам.

2.2. При нарушении некоторой меры прагматический заряд анафонии меняет свой знак "+" на "-" и становится зарядом "минус-экспрессивности", утомляющим и раздражающим обычного читателя.

3. Экспрессивность анафонии наблюдается как в стихе, так и в художественной прозе.

Генетический аспект анафонии на уровне речевой реальности проявляется в решении следующих проблем: 1) Имеет ли место анафония в устном народном творчестве? 2) Есть ли какая-нибудь специфика в проявлении анафонии внутри различных жанров фольклора (загадки, пословицы, частушки)? 3) Какова эволюция анафонии в литературных произведениях?

Произведенное исследование позволило заключить:

1. Наиболее бесспорно существование анафонических и анаграмматических структур в загадках: сущность загадки заключается в поиске нулевого слова-темы, а ее звуковая организация зачастую подсказывает искомый ответ, ср.: «Что в избе мать? – Матица» (брус поперек всей избы, на который настлан потолок).

2. Несомненно наличие анафонических и анаграмматических структур в русских пословицах, но их использование следует отграничивать от случаев фонетической гармонии, ср., с одной стороны, «На Руси не все караси – есть и ерши» (анафония), а с другой – «Худ Роман, коли пуст карман» (фонетическая гармония).

3. Скороговорки («Данила гнилоногий», «На дворе трава, на траве дрова» и под.), обладая предельной звуковой выразительностью, скорее всего не знают анафонических структур, а иллюстрируют собой явление фонетической гармонии.

4. Проблема анафонии и анаграмм в заговорах, думается, еще не решена и требует специальных исследований. То же самое следует сказать об анафонии в былинах.

5. Эволюция анафонии в русской литературе двух последних столетий заключалась в движении:

1) от подчиненности имени с яркой внутренней формой к нацеленности на имя с погашенной этимологией;

2) от сознания интерпретатора – а в качестве первого интерпретатора текста выступает сам автор – к его подсознанию;

3) от более концентрированных форм явления к формам менее концентрированным, менее заметным.

Идиостилевой аспект анафонии требует обсуждения следующих вопросов: Что есть в анафонии такого, благодаря чему ее можно было бы связать с идиостилем? Чем именно анафония в прозе (а также в поэзии) того или иного мастера слова отличается от анафонии другого художника слова? Можно ли вообще говорить об «индивидуальном в анафонии»?

Очевидно следующее:

1. Наиболее ярким индивидуальным проявлением анафонии на уровне речевой реальности являются ассоциативные доминанты – абсолютно специфические единицы художественной речи того или иного писателя.

2. Необходимым представляется составление и сопоставление анафонических "портретов", что позволит уточнить на уровне речевой реальности идиостилевые характеристики анафонии.

Анафония на уровне общения.

Поскольку на уровне общения каждый прав, постольку все точки зрения (на наличие или отсутствие анаграмм) имеют право на существование (на языковую действительность). Толерантность, терпимость к иным точкам зрения – принципиальное (вовсе не конъюнктурное) свойство избранного подхода к проявлениям языка в действительности.

На уровне общения мы выходим за рамки обсуждения анаграмм и анафонии и рассматриваем фоносемантические средства языка вообще.

Логико-структурный аспект. Здесь рассматривается логическая соотнесенность понятий, обозначающих различные виды фоносемантических средств; устанавливается соотношение имплицитного и эксплицитного в анаграммах.

Анафония и анаграммы относятся нами к сегментным, синтагматическим фоносемантическим средствам, отличаясь друг от друга полным (анаграммы) или неполным (анафония) характером воспроизведения звукового состава того или иного слова-темы. В качестве синтагматических фоносемантических средств анафония и анаграммы противопоставляются парадигматическим (продление звука) или преимущественно парадигматическим средствам (ономатопея, звуковой символизм). Внутри синтагматических фоносемантических средств анафония и анаграммы противопоставляются фонетической гармонии (звукописи, не соотнесенной со словом-темой), а вместе с ней – рифме как канонизованному звуковому повтору, имеющему не только фонетическое, но и ритмическое значение.

Вопрос о соотношении имплицитного (подразумеваемого, невыраженного) и эксплицитного в анаграммах (имеющего материальное выражение) особых трудностей не представляет, поскольку этот вопрос решается на этом уровне в зависимости от произвола исследователя (или любого другого субъекта восприятия). На уровне общения субъект восприятия всегда прав – независимо от того, в какой ситуации он объективно оказывается – коммуникации или квази-коммуникации с текстом. Уровень общения – царство субъективности.

В этом смысле прав Ф.де Соссюр, находивший анаграммы, а точнее – криптограммы, даже там, где о тщательной работе над стилем не могло быть и речи. – Но столь же правы и оппоненты, отказывавшие таким криптограммам в праве на действительность.

Функциональный аспект. Конкретные наблюдения над фоносемантическими средствами парадигматического характера (а именно – продлениями звуков) подтвердили, с одной стороны, расплывчатость и неопределенность семантики фоносемантических средств, а с другой стороны – их чрезвычайную прагматическую насыщенность.

Широкий спектр прагматических возможностей у фоносемантических средств позволяет толковать их как фонопрагматические средства языка.

Динамический аспект анафонии на уровне общения включает обсуждение двух вопросов: 1) параллелизм звучания и смысла как закон использования фоносемантических средств на уровне коммуникации; 2) влияние фоносемантических средств на понимание как одну из сторон коммуникации.

Генетический аспект анафонии на уровне общения предполагает обсуждение двух проблем:

1) Какова роль общественных условий в использовании фоносемантических средств языка на уровне коммуникации?

2) В чем проявляются национально-культурные факторы использования фоносемантических средств в коммуникации?

Очень неприятно в этом сознаваться, но для автора настоящей работы эти проблемы оказались наиболее сложными.

Общественные условия, безусловно, влияют и на исследования фоносемантических средств, и на их использование в обществе (особенно заметно влияние социальных изменений — в рекламе и газетных заголовках).

Что касается нациокультурных факторов использования фоносемантических средств, то этот вопрос для нас остался во многом открытым. С уверенностью можно утверждать очень немного: во-первых, это феномен повышенной «пропитанности» коммуникации на русском языке влияниями сферы бессознательного, а во-вторых, это следующий отсюда вывод, что материал русского языка (поскольку фоносемантические средства преимущественно связаны со сферой не сознания, а бессознательного психического) предоставляет для фоносемантических исследований самые богатые возможности.

Идиостилевой аспект анафонии на уровне общения посвящён уникально-неповторимым феноменам в использовании исследуемых языковых единиц. На этом шаге рефлексии лингвист выходит на рубеж двух сознаний, на рубеж двух

субъектов и в этом единичном, уникальном по своей неповторимости использовании данных языковых средств распознает их подлинную сущность.

В качестве единичного в фоносемантических средствах на уровне коммуникации могут выступить:

- 1) идиостилевые характеристики фоносемантических средств;
- 2) восприятие фоносемантических средств читателем настоящей работы;
- 3) любое фоносемантическое средство, актуализованное в конкретном коммуникативном акте воспринимающим (а ранее — говорящим или пишущим) субъектом.

Примером третьего варианта послужило криптографически зашифрованное послание М. Горького потомкам-россиянам, дважды декодированное автором настоящей работы. Существенные различия первой и второй расшифровок политического послания М. Горького, призывавшего бороться «против упрямства железа Сталина», нами рассматриваются как иллюстрация общеизвестного тезиса, что коммуникация являет собой единичное, уникально-неповторимое проявление языка, причём коммуницирование с одним и тем же адресантом варьирует как в пространстве и времени вообще, но точно так же зависит от уникально-неповторимого пространства и времени адресата.

Таким образом, рассмотрение анафонии в пяти ступенях её сущности представляет собой чрезвычайно многоаспектную и далёкую от завершения лингвистическую проблему.

Литература

Белинский В.Г. Статьи о Пушкине: Статья пятая // В.Г.Белинский. Собр. соч.: В 9-ти т. Т. 6. Статьи о Державине; Статьи о Пушкине; Незаконченные работы. М.: Худож. лит., 1981. С. 249-298.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. 308 с.; вкл.

Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. 720 с.

Корниенко А.Ф. Возникновение и развитие допсихических, психических и социальных форм регуляции поведения организма, субъекта, личности. – Казань: Изд-во "Печать-Сервис-XXI век", 2010. 185 с.: ил.

Красиков Ю.В. Теория речевых ошибок: (на материале ошибок наборщика). – М.: Наука, 1980. 124 с.

Минаев Д.Д. Собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1947. 491 с. (Бка поэта. Основана М.Горьким).

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка : Опыт системного осмысления. Доклад по опубликованным работам на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Саратов: СГУ, 1995. 39 с.

Пузырёв А.В. Парадигматический и синтагматический аспекты фоносемантических средств языка // Фоносемантические исследования: Межвузовский сб. науч. трудов. Пенза, 1990. С. 51-69. – (В надзаг.: Ин-т языкознания АН СССР; ПГПИ им. В.Г.Белинского).

Пузырёв А.В. О системном подходе в лингвистике : учебное пособие для студентов филологических специальностей. – М. : ВНИИгеосистем, 2014. 520 с. (серия «Библиотека духовной культуры», вып. 47).

Пузырёв А.В. Детство известных писателей и объём их произведений // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XV-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 13-15 мая 2015 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», 2015 (в соавт.: М.Андреев, А.Григорян). С. 77-91.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 12-ти т. – М.: Правда, 1984. (Б-ка «Огонек»; Отечественная классика).

Доктор филол. наук С. Л. Сахно (Париж)
ssakhno@u-paris10.fr

ПОЧЕМУ МИР-Н-ЫЙ, МИР-ОВ-ОЙ, МИР-СК-ОЙ? СУФФИКСАЦИЯ РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФОНОСЕМАНТИКИ

В контексте системного описания русского словообразования как факта русского языка (иностранныго), филологу (исследователю, преподавателю) важно знать, почему в классической адъективной триаде от слова *мир* (в диахронии: 'умеренность, гармония' – откуда значения 'отсутствие войны', 'вселенная', 'община' и т. д.) дистрибуция суффиксов именно такая, а не иная, и почему значения представлены именно в такой формально-семантической конфигурации, а не в иной:

<i>мир-н-ый</i>	<i>мир-ов-ой</i>	<i>мир-ск-ой</i> (устар.)
(договор, нрав, время) < <i>мир</i> 'рах'	< <i>мир</i> 'рах' и <i>мир</i> = <i>мирь</i> 'mundus'	mundanus, laicus' < <i>мир</i> = <i>мирь</i> 'mundus, populus, societas, sol'
устар. <i>мир-н-ой</i> (черкес, аул), contr. <i>немирной</i>	1. 'pacis' (судья, сделка) 2. 'mundi' (кризис) 3. <i>перен., разг.</i> 'optimus' (парень, фильм)	<i>мирская сходка, молва, одежда</i>

Это семантически изоморфно таким триадам, как:

<i>гор-н-ый</i> (рельеф, -ая промышленность)	<i>гор-ов-ой</i> (путь, В. Даль)	<i>гор-ск-ий</i> (народ)
<i>звер-н-ой</i> (промысел)	<i>звер-ов-ой</i> (-ая собака)	<i>звер-ск-ий</i> (вид, поступок)
<i>языч-н-ый</i> (-ые мышцы)	<i>язык-ов-ой</i> (факультет, конфликт) <i>язык-ов-ый</i> (-ые сосочки; -ая колбаса)	<i>языч-е-ск-ий</i> 'paganus' (-ие традиции)

Нужно учитывать и частично описанные бинарные оппозиции типа **-н- ~ -ов-/-ев-** [Земская, 2011, с. 197–199]. Прилагательные на **-н-** часто мобилизуют

наиболее глубокий и/или наиболее общий смысл корня исходного существительного N1 и часто маркируют тесную связь „концептуального“ типа между семантикой N1 и семантикой N2 (определяемого существительного в адъективной синтагме), в то время как прилагательные на **-ов-** мобилизуют более частный и семантически вторичный смысл корня исходного существительного и нередко маркируют связь ситуативного, синтаксического, типа между семантикой N1 и семантикой N2:

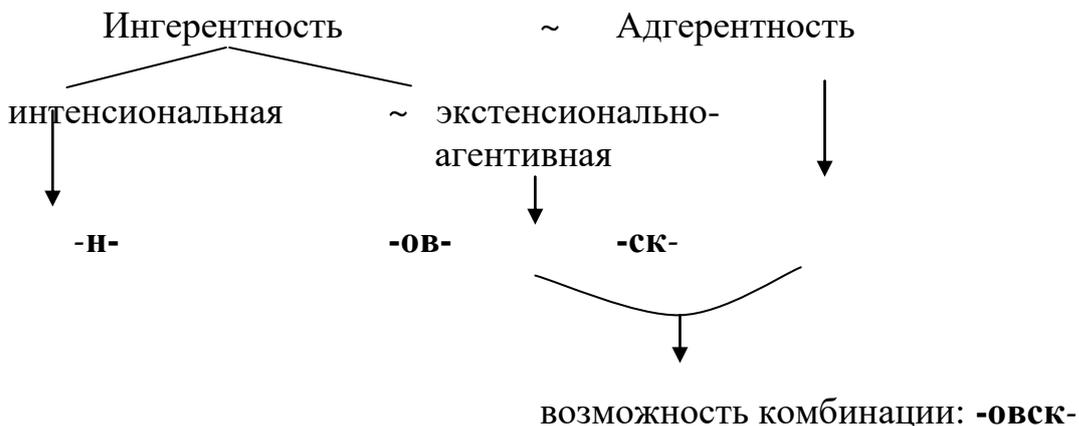
снежная (**снеговая*) *зима* = зима (N2) с большим или достаточным количеством снега (N1): в русском языковом сознании нормальная зима (N2) концептуально неотделима от снега (N1),

но *снеговая* (**снежная*) *линия* (в горах), *снеговая* (**снежная*) *нагрузка* (на крышу здания), – синтагмы, которые можно рассматривать как научные или технические термины.

Что касается суффикса **-ск-**, его социально-институционально-идентифицирующая функция в русском и др. славянских языках хорошо известна: ср. *лабораторный* (опыт, анализ) ~ *лабораторский* (конфликт), *интеллигентный* (человек) ~ *интеллигентские* (замашки, конфликты). В отличие от **-н-** (связанного с ингерентностью интенционального типа концепта N1 концепту N2), **-ск-** соотносим с адгерентностью концепта N1, который часто связан с обозначением некоего социума (или близкого к социуму референта), концепту N2: это значит, что признак, проистекающий из концепта N1, приписывается концепту N2 не как внутренне присущий, а как относящийся к концепту N2 с точки зрения социумной, т. е. с точки зрения социальной, институциональной, идеологической, политической, географическо-этнической (и т. п.) „локализации“.

При этом важны морфонологические, морфологические, фоносемантические и субморфологические [Bottineau, 2008] факторы. В плане фоносемантики можно показать связь между семантикой данных суффиксов и их фонологией. Этот аспект на примере суффиксов **-оват-** и **-ист-** затронут в работах [Bottineau, 2012^a, 2012^b].

Мы предлагаем фоно-семантическую модель, в которой **-н-** связан с интенциональной ингерентностью концепта N1 концепту N2, **-ов-** связан с экстенционально-агентивной ингерентностью концепта N1 концепту N2, а **-ск-** связан с адгерентностью концепта N1 концепту N2:

Литература

Земская 2011: Земская, Е. А. *Современный русский язык. Словообразование*. 3-е изд. Москва: Наука – Флинта.

Bottineau 2008: Bottineau, D. The submorphemic conjecture in English: Towards a distributed model of the cognitive dynamics of submorphemes. – In: *Lexis*, 2. Toulouse. P. 17–40.

Bottineau 2012^a: Bottineau, T. Les variations sémantiques du suffixe russe *-ovat-*. – In: *Slavica Occitania*, 84. Toulouse. P. 211–227.

Bottineau 2012^b: Bottineau, T. L'implication des phonèmes dans la représentation des processus cognitifs: sur l'exemple des adjectifs russes dérivés avec le suffixe *ist-*. – In: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00760402>. Consulté le 30.10.2015.

Канд. филол. н. М.А. Флакман (Санкт-Петербург)
mariaflax@gmail.com

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

Известно, что наличие звукоизобразительной, иконической лексики в словарном составе языка является одной из установленных универсалий (примеры, подтверждающие это, см. [Hinton 1994, Voeltz 2001, Воронин 2006]). Поэтому неудивительно, что её наличие обнаруживается и в исландском языке. Настоящее сообщение посвящено рассмотрению звукоизобразительной системы исландского языка с позиций различных классификаций.

Исландско-русский словарь В.П. Беркова [Берков 1962] содержит ряд лексем звукоизобразительного происхождения, которые представляется возможным разделить на несколько больших категорий согласно широко известной классификации С.В. Воронина [Воронин 2006]. Автор подразделяет иконические слова на звукоподражания (акустические копии денотата) и звукосимволизмы (артикуляторные копии).

Звукоподражания С.В. Воронин [Там же. С. 49] в свою очередь подразделяет – на основе соотнесения акустических параметров естественных звучаний и звучаний реализуемых в речи фонем – на 1) **инстанты**, передающие удары (напр., исл. *bumba* [bʉmɸa] ‘барабан’); 2) **континуанты**, передающие длительные звучания (напр., исл. *baula* [bö:la] ‘мычать’); 3) **фреквентативы**, передающие диссонансные звучания (напр., исл. *turra* [tʉr:a] ‘рычать’); а также 4) **инстанты-континуанты** (напр., исл. *duna* [dʉ:na] ‘гул, грохот’) и 5) **фреквентативы-(квази)инстанты-континуанты** (напр., исл. *pruma* [pɹu:ma] ‘грохот’), которые передают смешанные звучания.

Звукосимволизмы С.В. Воронин [Там же. С. 71] подразделяет на **интракинесемизмы**, акустико-артикуляторные копии денотатов (напр., исл. *babl* [ɸabɸ] ‘лепет, болтовня’) и **экстракинесемизмы** – артикуляторные копии (напр., исл. *bobbi* [ɸɔɸ:i] ‘домик улитки’).

Мы также обнаруживаем в исландском языке слова фонестемных групп (напр., с фонестемой br- – *brak* [b̥ra:k^h] ‘треск, грохот’ и *braml* [b̥ra:m̥l] ‘грохот, шум’).

Исландскую звукоизобразительную лексику нам также представляется возможным классифицировать с точки зрения утраты иконичности [Флакман 2015]. В процессе **деиконизации** мы выделяем четыре стадии (далее СД).

Слова на **СД-1** (напр., исл. *bja* [b̥ja:] ‘фи! фу!’) являются иконическими междометиями, наиболее явственно отражающими называемые звучания.

Звукоизображения на **СД-2**, такие как исл. *uml* [ym̥l] ‘боротание’ или *gagga* [g̥aɡ̥:a] ‘лаять (о лисицах), кричать’, являются знаменательными частями речи, сохраняющими свое первоначальное (звуковое) значение и не успевшими еще попасть под действие регулярных фонетических изменений.

Слова на **СД-3** (напр., исл. *kráka* [k^hrau:k^ha] ‘ворона’ или *bjalla* [b̥jaɰla] колокольчик) уже утратили или своё первоначальное значение – «издавать звук N», – или первоначальное звучание.

Звукоизобразительная лексика, достигшая **СД-4**, утратила как свой первоначальный фонетический облик, так и своё исходное значение. Её обнаружение требует проведения специального этимологического анализа.

Таким образом, изучение звукоизобразительного лексикона исландского языка представляется нам не только возможным, но и перспективным.

Литература

Voeltz F.K, C. Kilian-Hatz (eds.). Ideophones. Typological Studies in Language 44. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001.

Hinton L., J. Nichols, J.J. Ohala (eds). Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Берков В.П. Исландско-русский словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. – М.: ЛЕНАНД, 2006.

Флакман М.А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015.

Канд. филол. наук О.В. Шестакова (Пермь)
shestakova64@mail.ru

ЗВУКИ ВОДЫ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Семантическая группа «Движение жидкости» является фрагментом звуковой фоносемантической картины мира, эксплицированной в языке звукоизобразительной лексикой (С.С. Шляхова, А.Б. Михалёв, Н.В. Дрожащих, М.Г. Вершинина).

Материалом исследования послужили 40 звукоподражательных глаголов в немецком и русском языках, обозначающие звуки движения жидкости (вода, море, дождь, ручей и т.д.).

Обнаружены следующие универсальные свойства языковых единиц, обозначающих звучание воды: 1) в немецкой и русской звуковой фоносемантической картине достаточно значимыми являются звуки воды; 2) звучание воды в немецком и русском языке представлено 12 типами. На основе универсальной фоносемантической типологии С.В. Воронина [Воронин 1982] выявлено семь типов звучаний и пять типов сочетаний этих звучаний; 3) все ономотопы структурируются по общей модели на уровне фонотипов; 4) большое количество ономотопей, где в анлауте – взрывной, в инлауте – либо сонант, либо вибрант: нем. *brodeln* ‘бурлить’, *blubbern*, *glucksen*, *gluckern* ‘булькать’, *klatschen* ‘стучать’, *plätschern*, *pritscheln* ‘журчать’; *dröhnen* ‘греть’, *trommeln* ‘барабанить’, *prasseln* ‘падать с шумом’; рус. *клокотать*, *плескаться*, *греметь*, *гроыхать*, *грянуть* *гροхотать*, *брызгать*, *прыскать*, *кропить*, *барабанить*, *тарабанить*. Корреляция семантической категории множественности (повторности, многократности) звука и действия и RL-формантов (форманты с сонантами r, l) рассматриваются как фоносемантическая универсалия [Воронин 1982]; 4) интенсивность звучания отражена взрывным, чаще звонким, а также вибрантом или сонантом: нем. *brodeln* ‘бурлить’, *donnern*, *dröhnen* ‘греть’; рус. *клокотать* *гροхотать*, *греметь*; 5) умеренность звучания выражается фрикативным/аффрикатой: нем. *rauschen* ‘шуршать’, *zischen* ‘шипеть’; *pritscheln* ‘журчать’; *spritzen* ‘брызгать’, *sprühen* ‘распылять’; *sprudeln* ‘бить ключом’; 6) тихое монотонное звучание выражается долгими гласными: нем. *nieseln*, *pieseln* ‘моросить’; рус. *сеять*, *сыпать*.

К специфике звучания воды можно отнести следующую особенность: в русском языке интенсивность звучания выражена фонестемой /хл/: *хлестать*, *хлыстать*, *хлюпать*, *хлобыстать*, *хлынуть*.

Таким образом, звучание воды в немецкой и русской звуковой фоносемантической картине мира представляет собой в большинстве случаев сложное комбинированное звучание: *тоново-ударные и тоново-ударные диссонирующие звучания* (нем. – 67,5, рус. – 55%). Достаточно большое разнообразие звучаний обусловлено, с одной стороны, свойствами движения воды, т.е. скоростью, интенсивностью, частотой и т.д., с другой стороны, разнообразными звукоизобразительными функциями фонем. В немецкой и русской акустической ономотопее, исследованной автором ранее, эти показатели намного ниже: нем. – 48%; рус. – 37% [Шестакова 2016]. Следует отметить, что количество инстантов-континуантов в данном исследовании почти совпадает с данными по немецкой акустической ономотопее в целом (нем. яз. – 32,5% и 31%), но существенно отличается от данных по русской акустической ономотопее (рус. яз. – 30% и 20%).

Фоносемантическое и количественное исследование немецких и русских глаголов звучания воды подтверждает вывод о том, что в ономотопее универсальные черты преобладают над специфическими. Фрагмент звуковой фоносемантической картины мира «Движение жидкости» находит свое выражение в одинаковых типах звучания в немецком и русском языках: *тоново-ударные* (сонанты и взрывные) и *тоново-ударные диссонирующие* звучания (вибранты, сонанты, умеренный звук выражается фрикативным/аффрикатой).

Литература

Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.

Шестакова О.В. Мир сквозь призму ономотопеи. Пермь: Перм. нац. исслед. политехн. ун-т. 2016. 302 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОНОСЕМАНТИКИ

А. Д. Гумаева
aliagimaeva2704@gmail.com

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (На примере звуковых продлений)

Под звуковыми продлениями, как это и принято в лингвистических работах понимается такое материально выраженное фоносемантическое средство, сущность которого заключается в увеличении – сверх обычного – длительности произнесения какого либо звука [А.В. Пузырёв, 2014, с. 263].

Цель настоящей статьи обозначить многофункциональность такого фоносемантического средства, как звуковые продления.

Под функциями звуковых продлений при этом понимается назначение, роль, выполняемая звуковыми продлениями (см. также О.С.Ахманова, 1969, с. 506; Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 564 и др.).

В качестве принципиально важного момента отметим то, что функции звуковых продлений во многом определяются аспектом их рассмотрения.

Функции звуковых продлений могут быть различными в зависимости от того, какой уровень философской (бытие – сущность – необходимость – явление – действительность) [А.А.Гагаев, 2005] или общелингвистической пентахотомии (мышление – язык – психофизиология – речь – общение) [А.В.Пузырёв, 2014] привлечён к исследованию.

Если рассматривать функции звуковых продлений на уровне **мышления**, то несомненно наличие ассоциативной функции, лежащей в основе звукоподражаний. Звукоподражательные слова встречаются практически во всех языках. Всеобщий характер их существования наилучшим образом свидетельствует о том, что **ассоциативная** функция соотносится с философской категорией **всеобщее** и характеризуют мышление человека.

Приведем примеры ассоциативной функции звуковых продлений :

«Гу-гу-гак!» – гукнул залп.

«Ака-ка-ка – **ка-ак!**» – залаяло позади эхо (М. Шолохов. Тихий Дон).

*She came over and sat there and while the dripping slowed down outside – drip – **dri-i-ip**, she laid her lips to the beautiful cold image she had created. (F.S. Fitzgerald. Tender is the Night)*

Она повиновалась и под стихающий шум дождя за окном – кап-ка-ап – приложила губы к холодному и прекрасному образу, созданному ее воображением (Ф.С.Фицджеральд. Ночь нежна; пер. с англ. Е.Д. Калашиковой).

Функция **дифференциальная** (различения, семиологическая, сигнификативная) – собственно **языковая** и состоит в том, чтобы отличать данную единицу семантического уровня от противопоставленной ей единицы того же уровня.

Звуковые продления отличают ненейтральную речь от нейтральной. Наиболее логично идея противопоставления указанных видов речи развита у Ю.М.Скребнева. Он указывает, что понятие «стилистическая нейтральность» соотносится с областью совпадения сопоставляемых субъязыков [Ю. М. Скребнев, 1975, с. 49]. Под субъязыком при этом понимается частная языковая система (подсистема), обслуживающая ту или иную сферу языкового общения. Если сопоставлять кодифицированный литературный язык с разговорной речью, то продление, «растягивание» гласных и согласных в художественной речи следует рассматривать как своего рода цитацию речи разговорной. Как пишут Е. А.Земская и Е. Н. Ширяев, «устному КЛЯ не свойственны все те многообразные модуляции, которые использует РР: растяжки гласных, «резкое» с удлинением произнесение согласных (*к-как ты сказал? ч-черт побери! п-путаница опять!...*)» [Е.А. Земская и др., 1981, с. 61].

С дифференциальной функцией звуковых продлений, тесно связана и такая их языковая функция, как *эмфатическая*. Эмфатическая функция звуковых продлений заключается в том, что с их помощью экспрессивно выделяется наиболее важная в смысловом отношении часть высказывания (ср.: [В.Н.Гридин, 1990, с. 592]).

– *С лица-то? Желтая. Глаза тусменные, – небось не сладко на чужой сторонушке. А ишо, бабоньки, ходит-то она... в Прокофьевых шароварах.*

– *Ну-у?.. – ахали бабы испуганно и дружно (М. Шолохов. Тихий Дон).*

'I am a fearful man – the most fearful – but I tell you I have been in dam-tight places more than hairs on my head. You say: "I am Son of the Charm." Verree good.' (R. Kipling. Kim)

*Я пугливый человек... чрезвычайно пугливый, но могу вас уверить, что попадал в чертовски трудные ситуации чаще, чем растут волосы у меня на голове. Тогда вы скажете: «Я Сын Талисмана». **Оч-чень** хорошо. (Р.Киплинг. Ким; пер. с англ. М.Клягиной-Кондратьевой)*

К эмфатической функции звуковых продлений – в референтном отношении – близка *кульминативная* функция, поскольку звуковые продления в ряде случаев служат для выделения слов и их соединений в речевой цепи [О.С.Ахманова, 1969, с. 506]:

Старуха страшными глазами глядела на ластившуюся у ног ее кошку.

– *Дунька! Го-о-ни ты ее, прок... царица небесная, прости меня, грешницу. Дунька, кошку выкинь на баз. Брысь ты, нечистая сила! Чтоб ты... (М. Шолохов. Тихий Дон)*

Глагол *гони* в приведённом контексте входит в рему высказывания, является в нём главным. Опорный характер данного глагола подтверждается, в частности, использованием синонимичного глагола *выкинь* и императивного междометия *брысь*. Опорный характер глагола, выделенного звуковым продлением, и является основанием выделения кульминативной функции звукового продления в данном контексте.

Подобный пример – но уже на английском языке – наблюдается в романе Р. Киплинга «Ким»:

'I am his disciple, and we must find that River. It is so verree valuable to us.' (Kipling. *Kim*)

Я его ученик, и мы должны найти эту реку. Она так драгоценна для нас. (Р.Киплинг. *Ким*; пер. с англ. М.Клягиной-Кондратьевой).

Продление звуков в наречии *verree* выделяет его в речевой цепи и более чем наглядно иллюстрирует в данном контексте кульминативную функцию звуковых продлений.

Иными словами, использование названных фоносемантических средств (растягивание гласных, резкое удлинение произнесения согласных) в КЛЯ и, в частности, в художественной речи как одной из его разновидностей, является приметой включения в текст элементов разговорной или, точнее, в устной речи. Таким образом, на уровне языка в собственном смысле этого слова есть все основания констатировать у названных фоносемантических средств наличие *стилевой* функции. Например:

– *Куда тебя, че-о-орт?!* – негодующе крикнул один из красноармейцев, которому Штокман больно придавил ногу. (М. Шолохов. *Тихий Дон*)

'Plunk!' she gasped. 'Who-oo, that guard. They'll arrest us at the next stop. Doctor Diver, the Conte de Marmora.' (F.S. Fitzgerald. *Tender is the Night*)

– *Уфф!* – выдохнула она. – *Ну, теперь берегитесь. Нас арестуют, как только фуникулер остановится. Доктор Дайвер – граф де Мармора* (Ф.С.Фицджеральд. *Ночь нежна*; пер. с англ. Е.Д. Калашиковой).

В приведённых контекстах использование продления звуков свидетельствует об имитации разговорной речи, то есть исполняет вполне определённую стилевую функцию.

Вслед за О.С. Ахмановой можно говорить о конгруэнтной и инконгруэнтной функциях [О.С.Ахманова, 1969, с. 507]. Конгруэнтная функция звуковых продлений, в этом смысле, заключается в соответствии использования их узультальному употреблению (напр., в междометиях, частицах):

– *Трррр!!* – крикнул Петро, прыгая с брочки. (М. Шолохов. *Тихий Дон*)

Afterward he played some Schubert songs and some new jazz from America that Nicole hummed in her harsh, sweet contralto over his shoulder.

'Thank y' father-r

Thank y' mother-r

Thanks for meeting up with one another----' (F.S. Fitzgerald. *Tender is the Night*)

Потом он подсел к роялю – играл песни Шуберта и недавно полученные из Америки джазовые песенки, а Николь, заглядывая в ноты через его плечо, напевала глубоким, хриловатым контральто:

Спасибо, отец,

Спасибо, мать,

За то, что друг друга

Довелось вам узнать... (Ф.С.Фицджеральд. Ночь нежна; пер. с англ. Е.Д. Калашиниковой)

Второй пример демонстрирует продление звуков при исполнении песни, а исполнение песни, как известно, без них обойтись не может. Узуальный характер продления звуков при исполнении песен позволяет рассматривать данный пример как иллюстрацию конгруэнтной функции звуковых продлений.

Инконгруэнтная функция звуковых продления связана с их окказиональным употреблением, нарушающим узуальное использование. (напр., в существительных, местоимениях, глаголах):

– Пустите, гады!.. Матросню!.. Всех!.. Ррублю!.. (М. Шолохов. Тихий Дон)

'It must be a very good story.'

'It's a terr-r-rible story.' (F.S. Fitzgerald. *Tender is the Night*)

— Интересный роман, наверно.

— Н-ну, такой роман! (Ф.С.Фицджеральд. Ночь нежна; пер. с англ. Е.Д. Калашиниковой).

Если говорить не только о языковых функциях, но также о функциональной нагруженности звуковых продлений, то к собственно языковому плану относится функционирование звуковых продлений в различных частях речи. В этом смысле – в смысле функционирования звуковых продлений в различных частях речи – можно говорить о **морфологических** функциях звуковых продлений.

Общая логика рассуждения заставляет предполагать, что в наибольшей степени морфологические функции звуковых продлений проявляются в частях речи, связанных с выражением эмоций, – прежде всего в междометиях.

Например, междометия:

– Ты кто таков? Красный? Ага, братцы, он! Вот у него и звезда на папаше. По-па-ал-ся, ааа! (М. Шолохов. Тихий Дон)

Например, частицы:

Прохор выпил, опасливо косясь на безносого деда. Между второй и третьей кружкой не вытерпел, спросил:

– Прогулял нос, дедушка?

– Не-е-ет, милый! Это от простуды. Ишо с малюшки дюже от простуды хварывал, через это и попортился. (М. Шолохов. Тихий Дон)

'No-o-o!' he protested. 'Stay awhile – I want to talk to you. Let me tell you that was some picture of yours – that Daddy's Girl. I saw it in Paris. I

wired the coast right away to see if you were signed. (F.S. Fitzgerald. *Tender is the Night*)

– *Нет-нет-нет, – запротестовал он. – Не торопитесь – нам с вами нужно поговорить. Я видел вашу «Папину дочку»; должен сказать, это – первый класс. Я смотрел ее в Париже и сразу же телеграфировал, чтобы узнать, ангажированы вы уже или нет* (Ф.С. Фицджеральд. *Ночь нежна*; пер. с англ. Е.Д. Калашиковой).

Точно так же – в собственно языковом плане – можно говорить о **синтаксических** функциях звуковых продлений. Вероятней всего (полной уверенности в данном вопросе у нас пока нет), наиболее часто звуковые продления будут использоваться в нечленимых словах предложениях типа *Ох-хо-ха! А-а-а-а!* и т.п.

Если рассматривать звуковые продления с точки зрения **психофизиологии**, т.е. психофизиологических механизмов, обеспечивающих переход языка в материально выраженную речь, то есть все основания говорить о **психофизиологических функциях** звуковых продлений. Не секрет, что звуковые продления связаны с выражением эмфатического ударения, то есть с правополушарными механизмами мозговой деятельности.

Как известно динамика взаимодействия раздражительного и тормозного процессов в нервной системе организма «накладывает печать на все акты поведения, вплоть до самых сложных» [Психология, 1990, с. 68]. В этом смысле удлинение-растягивание звука можно рассматривать как речевую демонстрацию возникшего доминирующего очага возбуждения в нервной системе, т.е. иначе говоря, обозначает не торможение, а возбуждение нервной системы.

В плане проявления психофизиологических функций звуковых продлений можно указать на такую закономерность распространения возбуждений, как открытые Р.Лоренте Де Но «ловушки возбуждения». Ссылаясь на его исследования, П.К.Анохин пишет, что в центральной нервной системе «имеются специальные структурные образования, в которых возбуждение раз попав в них, оказывается как бы в циркулярной «ловушке», продолжая здесь распространяться от элемента к элементу по замкнутому кругу в течение долгого времени. По мнению П. К. Анохина указанные ловушки возбуждения могут быть привлечены для объяснения некоторых следовых явлений небольшой длительности [П.К.Анохин, 1968, с. 122, 124]. Продление звуков – явление относительно небольшой длительности, поэтому к данному фоносемантическому средству может быть отнесено и приведенное суждение П.К. Анохина.

В качестве примера психофизиологической функции звуковых продлений можно привести следующий контекст из «Тихого Дона» М.А. Шолохова:

Лошади захлестнулись в бешеной скачке.

– *Уп-па-па-де-ошь!.. – визжала Дарья, подпрыгивая, обнимая руками лакированные сапоги Аникея.* (М. Шолохов. *Тихий Дон*)

Продление согласного [п] в данном контексте отражает невозможность организма в условиях сильной тряски произнести физиологически нормативный (стандартный, не продлённый) согласный [п].

Если рассматривать звуковые продления с точки зрения **речи**, т.е. материальной реальности языка, то есть все основания говорить о **речевых функциях** звуковых продлений. К такого рода речевым функциям можно отнести **образно-характерологическую** функцию звуковых продлений.

Так, например, характеризуя Абрамсона, «невысокого, носатого жуковочерного человека», М. А. Шолохов в «Тихом Доне» наделяет этого «кипучего, деятельного, непоседливого» персонажа привычкой удлиннять согласный [ч'] в словосочетании *очень хорошо*:

– *Поднялся на ноги? Оч-чень хорошо! Анну мы забираем. – И догадливо-намекаяюще сощурился... (М. Шолохов. Тихий Дон)*

– *Да-да, оччень хорошо! Я оттого задаю такой вопрос, что вы, вероятно, сжились в Царицыне (М. Шолохов. Тихий Дон)*

Точно так же в романе Р. Киплинга «Ким» удлинение звуков оказывается своего рода звуковой визитной карточкой бенгальца Хари-бабу, обладающего истинно английским произношением. Образно-характерологическая функция продления звуков в речи этого персонажа проявляется в том, что он использует звуковые продления намеренно и обозначает тем самым безупречное владение нормой (безупречное владение нормой, как известно, проявляется в осознанности её нарушения – А.Г.):

'I think,' said the Babu heavily, lighting a cigarette, 'I am of opeenion that it is most extraordinary and effeecient performance. Except that you had told me I should have opined that- that- that you were pulling my legs. How soon can he become approximately effeecient chain-man? Because then I shall indent for him.' (Kipling. Kim)

В то же самое время, если иметь в виду отнесение языка художественной литературы к функциональным стилям языка [Ф.М. Березин, Б.Н. Головин, 1979, с. 235-237], то образно-характерологическая функция звуковых продлений может рассматриваться и как собственно языковая. Речевые функции звуковых продлений, в этом смысле, являются речевым воплощением функций языкового характера.

Думается, что это заключение частного характера может оказаться справедливым практически для всех функций языкового характера: поскольку речь нами понимается как материальная манифестация языка постольку и речевые функции звуковых продлений закономерно манифестируют их собственно языковые функции.

Сказанное справедливо и по отношению к уровню **общения**. **Коммуникативные** функции звуковых продлений предстают как уникально-неповторимое проявление их собственно языковых функций. Очевидно, что уникально-неповторимое восприятие коммуникативной цели конкретного звукового продления обусловлено экстралингвистическими факторами (ситуативная конкретность, пресуппозиция, национально-культурная традиция).

Иллюстрацией проявления коммуникативной функции звуковых продлений может стать интерпретация Йорана Хёгберга растягиваний согласных у В.С.Высоцкого как «мужского погребального плача»: «В давнем разговоре о помойках и могилах Йоран ещё сказал, что немислимая популярность Высоц-

кого связана, кроме прочего, ещё и с тем, что его хриплый рёв, его рыдающие согласные – это мужской погребальный плач: пр-р-ротопи ты мне баньку побелому, я от белого света отвык...» [Е.Михайлова, 1997, с. 8].

Таким образом, есть все основания утверждать, что функции звуковых продлений определяются аспектом их рассмотрения и зависят от того, какая ступень сущности языка: **мышление – язык – психофизиология – речь – общение** – привлечена к исследованию.

Литература

Анохин П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. – М.: Медицина, 1968, 547 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: Изд-е 2-ое, стереотип. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.

Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. – М.: Просвещение, 1979. 416 с.

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философская и культурно-типическая антропология. Русский космо-психо-логос. Культурно-типическая модель науки. Система философии: В 2-х т. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005.

Гридин В.Н. Эмфаза. – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 592.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. 276 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с., ил.

Михайлова Е. О, муза плача... // Психодрама – вдохновение и техника. М.: Независимая фирма «Класс», 1997. С. 5-9.

Пузырёв А.В. О системном подходе в лингвистике : учебное пособие для студентов филол. спец-тей / А.В.Пузырёв. – М. : ВНИИГеосистем, 2014. 520 с.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. спец-тей. – Горький: ГГПИИЯ, 1975. 175 с.

Шолохов М.А. Собрание сочинений. [Текст] В 8-ми т. Т. I. Тихий Дон: Роман в 4-х кн.:/ [М.А. Шолохов]. – М.: Худож. Лит., 1985. – 351 с.

*Доктор социологии Луиз Дрисс (Кенитра, Марокко),
канд. филол. наук И.И. Ковалевская (Орехово-Зуево)
louizdriss@yahoo.fr ; irinakovalevsk@yandex.ru*

МНОГОЯЗЫЧИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ЯЗЫКАМИ

Вступление

Современный мир говорит на разных языках. Ученые насчитывают сейчас почти восемь тысяч разных языков на планете. В наше время, когда быстрыми темпами растет использование новых информационных технологий, происходит объединение мировых рынков, перемещение капиталов и рабочей силы, ак-

тивизируются и диверсифицируются личные контакты между людьми, говорящими на разных языках.

И в этом процессе глобализации, естественно, потребность людей в овладении иностранными языками постоянно возрастает. Билингвизм и – шире – многоязычие, т.е. владение человеком многими языками в равной степени, рассматривается в этом плане как мощный рычаг экономического развития народа в целом и утверждения социального статуса каждого из граждан. Для государства – это возможность сохранить национальный язык (или языки) и развивать разноплановые отношения с другими странами и языками на данной территории.

I. Нынешняя языковая ситуация в Марокко: многоязычие

Действительно, государство Марокко, где местное население говорит как на диалектах местных языков, так и на других языках – французском, испанском, английском – сделало свой выбор касательно языков в пользу многоязычия, которое открывает для людей современный многоязычный мир, обеспечивает доступность взаимодействия, свободы перемещения и общения. Овладение иностранными языками является решающим условием для успешного продвижения страны в области экономики, торговли, финансов, технологий и дипломатии.

Основой развития страны является доступность мировых достижений прогресса в науке, технике, технологий через овладение иностранными языками. Владение европейскими языками в настоящее время можно сравнить с дипломом, дающим шанс найти работу.

II. Технолект

Технолект – владение речью на уровне, позволяющем адекватно оформлять – письменно или устно – информацию в определенной специальной области (Мессауди, 2009). Речь идет о сохранении в речи марокканцев, говорящих на марокканском диалекте арабского языка слов, заимствованных из французского, испанского, английского языков и используемых в разнообразных быденных ситуациях. Такие заимствования из других языков позволяют, с одной стороны, обогатить словарь, совершенствовать оформление информации, с другой стороны, – облегчает взаимопонимание между разными языками.

III. Взаимопонимание между языками: способность понять иноязычную речь – на языке, которым человек не владеет, но который может иметь некоторое сходство или быть родственным родному языку (Carasco perea)

IV. Пример использования способности понять текст на языке, неизвестном говорящему через привлечение знаний о других языках (Перевод текста с марокканского диалекта арабского на румынский язык).

Литература

Leïla Messaoudi. Etudes sociolinguistiques. – Éditeur: Kenitra (Maroc); Faculté des lettres et des sciences humaines Université Ibn Tofail, [2009]

Carasco perea Source. URL: <https://www.miriadi.net/refic>

CARAP, 2007, version révisée et actualisée, p. 6. – <http://carap.ecml.at>

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ БЕГЛОГО /ə/ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Во французской литературе по фонетике существует несколько терминологических обозначений гласной беглое /ə/: *e muet*, *e caduc*, *e instable*. Терминологическая полисемия свидетельствует о сложной природе этого явления и связанного с этим разнообразием подходов.

В 50-е годы XX века Ж. Варне Плеазан попыталась определить статус этого гласного, проанализировав физическую природу беглого /ə/. Однако на сегодняшний день этот звук характеризуется **многообразием тембра, неясностью и неопределённостью** [Pleasants, 1956, p.10].

В отечественной литературе по французской фонетике закрепился термин беглое /ə/, реже употребляется термин немое /ə/. Как свидетельствует само название, этот звук может сохраняться, либо опускаться в звучащей речи в зависимости от ряда факторов, анализ и обобщение которых и является целью данной статьи.

Исторический гласный /ə/ занимает особое место в фонематике французского языка и не имеет своей четкой фонологической принадлежности и требует к себе специального внимания.

Фонетические средства при употреблении в звучащей речи регламентируются нормами фонетики. По мнению П. Делятра, **действие закона не является обязательным. Его действие, применительно к фонетической норме, проявляется в произношении образованных носителей языка, выступая как единственно возможное, в других же случаях имеет место отклонение от данной нормы** [Delattre, 1951, p.342].

Дистрибуция гласного /ə/ в современном французском языке имеет две позиции.

Реализацию предшествующего согласного с помощью гласного /ə/ можно рассматривать, если наличие или отсутствие гласного не влечет за собой возникновение звуковых последовательностей, ассоциируемых с разным грамматическим или лексическим содержанием. Тем не менее, существуют, по крайней мере, два противопоставления, где реализация или пропуск беглого /ə/ являются значимыми ‘*dors - dehors* [dor - door]’ *снаружи*, ‘*l'être - le hêtre* [lɛtr - lɑtr]’ *существо - бук*.

Беглый /ə/ как самостоятельный гласный может быть реализован как вариант фонемы /œ/ [Gougenheim, 1935, p. 37] или фонемы /ø/ [Malécot, 1977, p. 30], т.к. существует сходство их артикуляторных и акустических характеристик. В качестве доказательства фонологической независимости беглого /ə/ обычно отмечают тот факт, что /ə/ не совпадает по звучанию ни с /œ/, ни с /ø/.

Сегодня в трудах французских и швейцарских лингвистов [Bürki, Emestus, Gendrot, Fougeron, Frauenfelder, 2011; Bürki, Fougeron, Gendrot, 2007; Bürki, Racine, Andreassen, Fougeron, Frauenfelder, 2008; Fougeron, Gendrot, Bürki, 2007] можно увидеть возобновившийся интерес к беглому /ə/.

Несмотря на значительное количество исследований французских фонетистов, посвященных такому сложному явлению, как беглое /ə/, продолжает оставаться недостаточно изученным и, следовательно, актуальным и дискуссионным установление норм фоностилистического характера, влияющих на сохранение и выпадение беглого /ə/. Поэтому данному вопросу мы уделим более пристальное внимание.

Фоностилистический аспект гласного беглого /ə/ включает следующие функции этого звука: социолингвистические, экспрессивные и функционально-стилистические.

Социолингвистический характер исследования беглого /ə/ часто проявляется при территориальной вариативности (например, на Юге Франции беглый /ə/ стал почти нормой от 80% до 90% всех случаев) и гендерной (например, добавление *e* в большей мере свойственно женщинам: 26,6%, мужчинам в два раза меньше - 13,4%), а так же зависит от социального статуса, чем выше образовательный уровень носителя языка, чем выше его социальное положение, чем больше он перемещается по территории метрополии и по другим странам, тем меньше в его речи тех случаев произношения беглого /ə/, которые не входят в орфоэпическую норму [Hansen, 1994, p. 45]

И. Фонадь [Fonagy, 1989, p.242] исследовал экспрессивную функцию гласного /ə/, характерную для молодежной речи. Данные свидетельствуют о том, что в большинстве случаев эта функция проявляется в молодежной речи либо в повелительных фразах таких, как '*Arrêt-e*', либо в восклицательных: '*Merd-e!*', или в обращениях '*Pierre!*'

Рассмотрим функционально-стилистические функции звука /ə/ на примере публицистического и поэтического дискурсов. Частое сохранение этого звука в публичных выступлениях, речах, лекциях, проповедях объясняется замедленным темпом речи и стремлением быть лучше понятым аудиторией, например, в выступлениях Шарля де Голля. П.Леон и пришел к выводу, что сохранение и опущение гласного /ə/ обусловлено тоном выступлений Ш.де Голля. Во фразе '*Cela, je ne le ferai pas!*' оратор произносил все гласные /ə/ и при этом чеканил каждый слог. Другой признак ораторского стиля Ш.де Голля – четкое и ясное произнесение конечного /ə/ в соответствии с явлением консонантной разрядки '*débâcl-e, tumult-e, parad-e*'. С другой стороны, систематический пропуск гласных /ə/ свидетельствует о смене регистра речи – переход на фамильярный стиль '*On n'trouv'ra pas... un point d'vue*'. [Léon, 1971, p. 156]. В поэтическом дискурсе гласные /ə/ произносятся перед согласной, как и следующей строке из поэзии А. Рембо '*Je ne parlerai pas, je ne penserai rien*'. В случае опущения гласных /ə/ '*Je n'pari'rai pas, je n'pens'rai rien*' александрийский стих сократится до 8 слогов и его ритмика будет нарушена [Giro, 2007, p. 69]

В пении сохранение или опущение /ə/ зависит от мотива и музыкального ритма. Приведем пример из популярной песни Ива Монтана «*Giroflé, Girofla*»: '*Soit mon fils, soit le tien*' [swa - mô - fi - sə // swa - lə - tjê]. Гласный /ə/ может даже подставляться для благозвучия там, где отсутствует в написании.

Явление беглого /ə/ представляет не только теоретический, но и дидактический интерес, поскольку владение фонетическими нормами повышает эффек-

тивность межкультурной коммуникации. Подводя итог, следует сказать, что для изучающих французский язык следует усвоить закономерности сохранения и пропуска беглого /ə/ в различных стилях.

Литература

Bürki, A. On the categorical nature of French schwa [Text]/ A. Bürki, C. Fougeron, C. Gendrot // Proc. of Interspeech. Antwerp, Belgium, 2007. - P. 402- 410.

Delattre P. Le jeu de *Гe* instable intérieur en français // French Review. - 1951.- P. 341-351.

Fonagy I. Le français change de visage // Revue romane. -№ 24.-2.-1989. - P. 225-254.

Fougeron, C., On the acoustic characteristics of French schwa. [Text] / C. Fougeron, C. Gendrot, A. Bürki. - ICPHS: Saarbücken, Germany, 2007. - P.241-244.

Gougenheim, G. *Éléments de phonologie française. Étude descriptive des sons du français au point de vue fonctionnel* [Text] / G. Gougenheim - Strasbourg: Les Belles lettres, 1935. - 136 p.

Grammont M. *La loi des trois consonnes* // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. - 1894. - P. 53-90.

Grammont, M. *Traité pratique de prononciation française.* [Text] / M. Grammont - Paris: Delagrave, 1914. - 231p.

Guiraud P. *Langage et versification dans l'œuvre de Paul Valéry. Etude sur la forme poétique dans ses rapports avec la langue.* - P. : Klincksieck, 1953. - 204p.

Hansen A. *Etude du E caduc. Stabilisation en cours et variations lexicales* // French Language Studies. - № 4. - 1994. - P. 25-54.

Léon P. *Essais de phonostylistique.*- P. : Didier, 1971. - 187 p.

Malécot, A. *The acoustic status of the mute-e in French* [Text] / A.Malécot, Cholet // *Phonetica.* - 1977. - Vol. 34. - № 1. - P. 29-37.

Pleasant J. *Vamey. Etudes sur le E muet.*-P.: Klincksieck, 1956. - 316 p.

ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

*Канд. филол.н. Е.И.Беседина (Санкт-Петербург),
канд.филол. н. Н.Н.Ноланд (Хьюстон, США)
elivbesedina@mail.ru; natalia.noland@hccs.edu*

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ ДЖ.К.РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И КУБОК ОГНЯ»: ИДИОСТИЛЕВОЙ АСПЕКТ

Звуковая ткань художественного текста не только поэтического, но и прозаического, в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей. Интерес к звукоизобразительной (далее ЗИ) составляющей художественной прозы не случаен и обусловлен тем, что, несмотря на традиционное мнение о том, что ЗИ лексика традиционно воспринимается как лексика, относящаяся в любом естественном языке к пластам маргинальным или «периферийным», на ее долю в тексте, как показывают пилотные исследования [Ноланд, 2014; Беседина, 2015; Беседина, Ноланд, 2015], приходится значительно больше лексических единиц, чем можно было бы предположить априори.

Именно это обстоятельство побудило авторов провести последовательный и более глубокий анализ ЗИ лексики одного из романов известной английской писательницы Дж.К.Роулинг «Гарри Поттер и Кубок огня», четвертого романа серии книг о Гарри Поттере, опубликованного в 2000 году. Выбор данного романа авторами объясняется его отличием от первых двух, поскольку он уже не является произведением детской литературы в строгом смысле этого слова ни с точки зрения содержания, ни с точки зрения языка.

Материалом для исследования послужила выборка ЗИ слов, насчитывающая 852 единицы (18710 употреблений), полученная методом сплошной выборки из электронной версии романа. Полный текст романа насчитывает 636 страниц (192 014 слов).

При отнесении тех или иных слов к словам ЗИ происхождения, авторы руководствовались сводным списком ЗИ слов (ССЗИС), представленном в диссертационном исследовании И.В.Кузьмич [Кузьмич 1993]. Данный список насчитывает 2466 единиц и включает слова, ЗИ происхождение которых подтверждается пометами в этимологических словарях, или же ЗИ характер которых доказан исследователями в специальных работах по ЗИ. В отдельных случаях звукоизобразительный статус слова устанавливался авторами данной работы на основе критериев звукоизобразительности, разработанных С.В.Ворониным [Воронин 1982].

Анализ полученной выборки выявил высокую частотность использования писательницей ЗИ лексики при оформлении звукового строя текста исследуемого романа: Дж.К.Роулинг использует 34.5% от общего числа ЗИ единиц, входящих в вышеупомянутый список И.В.Кузьмич [Кузьмич 1993]. По отношению к общему числу слов романа с учетом всех служебных слов, употребления ЗИ

лексики в романе составляют 9.7%. Такая доля ЗИ лексики представляется неслучайной, поскольку 2466 единиц списка составляют лишь 0.25% от числа всех слов английского языка, которое по данным компании «Global Language Monitor» (GLM) на 2010 год составило 1 миллион 4 910 слов.

Следует отметить, что ЗИ лексика романа представлена всеми частями речи (существительными: *glee, chunk, chatter, riffraff, slug, babble, huddle, pouf, swarm*; глаголами: *chuckle, clatter, shudder, whinge*; наречия: *gloomily, squeakily*; прилагательными: *booming, squeaky, shabby*; причастиями: *howling, rattling, spluttering*, герундием: *scrabbling*; междометиями: *oooooooooh, shhh, tut, tut*), однако подавляющее большинство слов представлено следующими тремя глагольными группами:

глаголами коммуникативной деятельности, в особенности глаголами, входящими в реплики героев, что позволяет автору романа ярко и точно характеризовать персонажей с точки зрения их манеры говорить или особенностей их речи (*hiss, murmur, snap, cackle, whimper, wail, etc.*)

глаголами различного вида движения, во многом определяющими характеры героев и добавляющими повествованию динамики и эмоциональности (*rush, wobble, dangle, sway, whirl, twist, glide, etc.*)

глаголами-люмосемизмами (*glimmer, glisten, glitter, glint, glow, flicker, sparkle, etc.*)

Достаточно часто при использовании ЗИ лексики писательница усиливает ее эмоционально-образное воздействие на читателя, сочетая ее с аллитерацией и ассонансом (*bashing boomerangs, booming bell, bouncing bulbs, giggling girls, gulping gargoyles, twinkling treetops, whomping willow, muffled rumbling and sucking sound, rumble of thunder, sizzling sound, slipped and slid etc.*).

В романе также встречается достаточно большое количество предложений насыщенных словами ЗИ происхождения (*There was a **flash** of green **light**, a **rushing sound**, and Frank Bryce **crumpled**. She had **trodden** on the giant **slug**, which **burst**. The spectators **screamed** and **clapped**. With a **sharp blast** on his **whistle**, **Mostafa shot** into the air after the **balls**. —“**TROY SCORES!**” **roared** Bagman, and the stadium **shuddered** with a **roar** of applause and **cheers**. The **buzz** of **chatter** filling the Hall ceased almost at once, so that only the **howling wind** and **pounding** rain could be heard).*

Было также отмечено, что подавляющее количество имен героев, названий книг, академических дисциплин и других названий, встречающихся в романе, не только являются «говорящим» и построены на аллитерации, но и либо содержат, по крайней мере, один звукоизобразительный элемент, либо «сконструированы» Роулинг по «законам» звукоизобразительности (*Bartemius Crouch, Blast-Ended Skrewts, Crookshanks, Hufflepuff, Karkaroff, Moaning Myrtle, Winky, Slytherin, etc.*).

Сочетаясь в ткани произведения самым причудливым образом, ЗИ лексика позволяет Дж.К.Роулинг направленно генерировать у читателя определенные эмоции, создавать то или иное впечатление, выписывать яркие и незабываемые образы героев.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что ЗИ лексика является одной из важных идиостилистических составляющих прозы Дж.К.Роулинг.

Дальнейшие исследования, проведенные на более широком тестовом материале произведений как Дж.К.Роулинг, так и других современных авторов, позволили бы установить, является ли наличие большого количества ЗИ лексики исключительно чертой идиостиля автора или она каким-то образом коррелирует с жанром произведения и гендерной принадлежностью.

Литература

Беседина Е.И. Звукоизобразительная лексика как отличительная черта идиостиля писателя (на материале романа Дж.К.Роулинг «Гарри Поттер и Философский камень». // Тезисы докладов XLIX Международной филологической научной конференции. СПб., 2015. – С. 447-448.

Беседина Е.И., Ноланд Н.Н. Звукоизобразительные глаголы в романе Либбы Брэй “A Great and Terrible beauty.”// Материалы IV Межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики». СПб., 2015 – С. 18-20.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л., 1982. – 219 с.

Кузьмич, И.В. Звукоизобразительная лексика американского слэнга: фоносемантический анализ / И. В. Кузьмич: дис. канд. филол. наук: 10. 02.04. – СПб., 1993. – 348 с.

Ноланд Н.Н. Звукоизобразительная лексика как отличительная черта авторского идеостиля (на материале романа Эдны Фербер «Гигант») [Электронный ресурс] // Тезисы докладов XLIII Международной филологической научной конференции. СПб., 2014. – С. 298-299.

*И.В.Крашенинникова (Ульяновск)
irino4ka90@list.ru*

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ «ХОРОШИЙ-ПЛОХОЙ» В КОНСТРУКТИВНОМ И ДЕСТРУКТИВНОМ ТЕКСТАХ ПЕСЕН

Дадим рабочие определения используемых понятий.

Под **массовой песней**, в соответствии с «Музыкальной энциклопедией», понимается сольная или хоровая песня, созданная профессиональным композитором (или любителем) и рассчитанная на массовое распространение в общественной жизни или домашнем быту [Музыкальная энциклопедия, 1976, с. 238].

При выяснении **конструктивности** или **деструктивности** конкретной массовой песни автор настоящего исследования опирается на пирамиду установок, предложенную А.В.Пузырёвым [А.В.Пузырёв, 2013, с. 54-62]. Лингвистическую апробацию данный метод прошёл, в частности, в диссертационном исследовании А.Н.Полежаевой [А.Н.Полежаева, 2011, с. 170-171].

В соответствии с указанной пирамидой различаются следующие уровни установок:

- физический,
- личностный,

- межличностный,
- принципиальный,
- этнический,
- социальный и
- интегративный.

Конструктивная направленность текста – это, прежде всего, её соответствие понятиям «биофилия» и «жизнелюбие». Базовая оппозиция конструктивности/деструктивности восходит, как уже было показано [А.В.Пузырёв, 2006, с. 85], к фундаментальным оппозициям *либидо* и *Танатос* [З.Фрейд, 1989], *биофилия* и *некрофилия*, *жизнелюбие* и *деструктивность* [Э.Фромм, 2004]. Общая постановка вопроса «восходит к важнейшей прагматичной цели интегративной психологии – изменить структуры и формы сознания человека, обретающего в результате способность мыслить, рефлексировать, действовать адекватно в соответствующей социокультурной среде» [В.В.Козлов, 2007, с. 76].

Деструктивная направленность текста связана с понятием «некрофилия», которую Э.Фромм определил как «стремление к смерти, разложению и уничтожению» [Э.Фромм, 2004].

Конструктивная направленность текста песни проявляется в доминировании установок верхнего порядка (интегративные, социальные, принципиальные и этнические установки). Деструктивная направленность в песне проявляется в доминировании установок нижнего порядка (физических, личностных и межличностных установок). Следует также иметь в виду, что на каждом из семи уровней установок могут наблюдаться как конструктивный, так и деструктивный тренды [А.В.Пузырёв, 2013, с. 54-62].

Объектом нашего исследования являются две песни. Одна из них – «Граница» – конструктивная, другая – «18 мне уже» – деструктивная.

Предметом исследования являются фоносемантические признаки «хороший-плохой» в текстах взятых для анализа песен.

В песне Леонида Агутина «Граница» высшие уровни установок доминируют над низшими:

Рота, подъём!

Забрали куда-то прямо из военкомата,
Увезли в дали, автоматы в руки дали.
Ты прости, мама, что я был такой упрямый,
Но я служить должен... так же, как все

Паровоз умчится прямо на границу,
Так что аты-баты, мы теперь солдаты...

Родные не знали, что парня в армию забрали,
Но я в письме первом напишу всё непременно.
Ты прости, мама, что я был такой упрямый,
Я служить должен... Так же, как все.

Паровоз умчится прямо на границу.

Так что аты-баты, мы теперь солдаты.

Паровоз умчится прямо на границу,
Будут провожать папы, мамы, сёстры, официальные лица,
Девушка придёт, скажет, всплакнет,
спросит "Куда ж ты, милоч?"

А я буду служить в пограничных войсках,
Я буду служить в пограничных войсках.
Я вернусь домой в медалях, в орденах,
Я буду ходить в фуражке, в сапогах,
Так же, как все в сапогах, в сапогах,
Так же, как все.

Паровоз умчится прямо на границу,
Так что аты-баты, мы теперь солдаты.

Ну а когда, мамка, опять вернусь я на гражданку,
Ты поймёшь сына, настоящего мужчину.
Ты поверь, мама, я не зря такой упрямый,
Ведь я служить должен... так же, как все!

Паровоз умчится прямо на границу,
Так что аты-баты, мы теперь солдаты.

Паровоз умчится прямо на границу,
Веселей ребята, мы теперь солдаты.
Мы теперь солдаты,
Мы теперь солдаты.

В песне повествуется о непреодолимом желании лирического героя служить Родине, защищать свою страну. И этот долг для него превыше всего, о чём говорят следующие строки:

Ну а когда, мамка, опять вернусь я на гражданку,
Ты поймёшь сына, настоящего мужчину.
Ты поверь, мама, я не зря такой упрямый,
Ведь я служить должен... так же, как все!

Он гордится своим званием, званием солдата, и тем, что он служит бок о бок с настоящими героями. Ведь не случайно строка «Мы теперь солдаты» звучит в песне целых 7 раз.

Преобладание установок высоких уровней (патриотических) неоспоримо свидетельствует о конструктивном характере песни.

Абсолютно иная ситуация наблюдается в песне группы «Руки вверх» – «18 мне уже», в которой низшие уровни установок доминируют над высшими:

Забирай меня скорей,
Увози за сто морей,
И целуй меня везде,
18 мне уже.

Забирай меня скорей,
Увози за сто морей,
И целуй меня везде,
Я ведь взрослая уже.
Забирай меня скорей,
Увози за сто морей,
И целуй меня везде,
18 мне уже.
Забирай меня скорей,
Увози за сто морей,
И целуй меня везде,
Я ведь взрослая уже.

Ты сегодня взрослее стала,
И учебу ты прогуляла,
Собрала всех своих подружек,
Ну, а как же я?
Ведь день рожденья у тебя!
Знаю, ты меня не забудешь,
Я приду – меня зацелуешь.
Но поцелуев твоих мне мало,
Я хочу, чтоб ты сказала:

Забирай меня скорей,
Увози за сто морей,
И целуй меня везде,
18 мне уже.
Забирай меня скорей,
Увози за сто морей,
И целуй меня везде,
Я ведь взрослая уже.

Ты уже танцевать устала,
Эта песня сто раз играла,
Веселятся твои подружки,
Разбудили всех –
Пели песни «Руки вверх».
Все ушли – мы одни остались,
И друг другу во всем признались,
Ведь ты сегодня взрослее стала,
Наконец-то мне сказала:

Забирай меня скорей,
Увози за сто морей,
И целуй меня везде,
18 мне уже.
Забирай меня скорей,
Увози за сто морей,
И целуй меня везде,

Я ведь взрослая уже.
Знаю, ты меня не забудешь,
Я приду – меня зацелуешь.
Но поцелуев твоих мне мало,
Я хочу, чтоб ты мне прошептала:
Забирай меня скорей,
Увози за сто морей,
И целуй меня везде,
18 мне уже.
Забирай меня скорей,
Увози за сто морей,
И целуй меня везде,
Я ведь взрослая уже.

Физический уровень установок в данном тексте доминирует над всеми остальными. В песне говорится о безответственных межличностных отношениях. Речь в ней идёт о безудержном следовании принципу удовольствия:

«Забирай меня скорей,
Увози за сто морей,
И целуй меня везде,
18 мне уже.
Забирай меня скорей,
Увози за сто морей,
И целуй меня везде,
Я ведь взрослая уже».

Но следование принципу удовольствия без учёта принципа реальности, как указывал поздний З.Фрейд, чрезвычайно ускоряет путь живого организма к смерти [З.Фрейд, 1989, с. 384]. Таким образом, перед нами безусловно деструктивный текст.

В плане проблематики настоящей конференции закономерен вопрос: одинаковы ли анализируемые нами песни по своему фоносемантическому значению? Ограничимся при этом признаком «хороший/плохой».

При изучении и сравнении фоносемантического значения текстов двух песен нами используется методика, изложенная А.П.Журавлёвым в его монографиях «Фонетическое значение» (1974) и «Звук и смысл» (1991).

Исследование было проведено в соответствии со всеми необходимыми требованиями:

- 1) Установлена текстовая частотность звукобукв в песнях.
- 2) Произведено удвоение ударных гласных, поскольку ударные гласные имеют в два раза больший вес в создании фоносемантического значения текста.
- 3) Указана нормальная частотность звукобукв в стихотворной речи [А.В.Пузырёв, 2014, с. 193].
- 4) По формуле $\sigma = \sqrt{P_n \cdot (1 - P_n)} / N$ вычислена величина отклонений частотностей звукобукв от нормы. Кроме того, сравнивалась частотность каждой зву-

кобуквы в песнях и высчитывалось её отклонение от нормы в сигмах [А.П.Журавлёв, 1974, с. 102].

5) В рамках исследования учитывались те звукобуквы, отклонение от нормы которых превышает ± 1 сигму. То есть, если отклонение частотности звукобуквы от нормы не превышает ± 1 сигму, это значит, что частотность данной звукобуквы находится в пределах допустимой погрешности. Однако, если отклонение от нормы выходит за рамки ± 1 сигмы, то отклонение от нормы является неслучайным, оно является значимым.

6) Были выбраны звукобуквы, частотность которых выходит за рамки ± 1 сигмы.

7) Хотя А.П. Журавлёв предлагает 3 группы признаков (группы **оценки, силы, подвижности**), содержащих 25 шкал: *большой – маленький, хороший – плохой, нежный – грубый, женственный – мужественный, громкий – тихий, радостный – печальный* и т.д., нами привлечён к анализу только признак «хороший/плохой»

Согласно мнению автора предложенной методики, звукобуквы, находящиеся в нейтральной шкале, в подсчётах не учитываются. Поэтому звукобуквы, отмеченные в шкале *хороший – плохой* числом 3, в подсчётах не участвуют [А.П.Журавлёв, 1991, с. 78-79].

8) Отклонение частотности каждой звукобуквы в сигмах умножается на показатель отклонения значимости данной звукобуквы. Таким образом получается вклад каждой звукобуквы в общий фон песенных текстов.

В результате произведённых расчётов составлены две таблицы (см. табл. 1 и 2).

Табл.1. Выбор признака «хороший» для песни «Граница»

Звукобуквы	Нормальная частотность звукобукв	Текстовая частотность звукобукв	σ	Величина отклонений частотностей звукобукв от нормы	Величина отклонений значимости звукобукв от нейтральной точки шкалы	Вклад каждой звукобуквы в общий звуковой тон песни
а	0,037	0,03	0,005	-1,08	1,5	0
á	0,037	0,1	0,005	12,17	1,5	18,26
б	0,013	0,009	0,003	-1,15	0,6	0
б'	0,005	0,0007	0,002	-2,14	0	0
в	0,028	0,025	0,004	-0,49	0,1	0
в'	0,011	0,0038	0,003	-2,43	-0,4	0
г	0,012	0,01	0,003	-0,35	-0,2	0
г'	0,003	0	0,001	-1,96	-0,6	0
д	0,020	0,018	0,004	-0,33	0,6	0
д'	0,017	0,003	0,003	-3,63	0,2	0
е	0,051	0,025	0,006	-4,11	1,1	0

é	0,029	0,029	0,004	0,17	1,1	0
ë	0,007	0,009	0,002	1,005	0,7	0,7
ж	0,008	0,014	0,002	2,73	-0,7	0
з	0,013	0,009	0,003	-1,15	-0,1	0
з'	0,002	0	0,001	-1,6	-0,4	0
и	0,041	0,01	0,005	-5,48	1,3	0
й	0,021	0,04	0,004	4,7	1,3	6,11
й'	0,020	0,008	0,003	-3,01	0,1	0
к	0,030	0,028	0,004	-0,4	0	0
к'	0,003	0	0,001	-1,96	-0,7	0
л	0,020	0,014	0,004	-1,32	0,9	0
л'	0,017	0,007	0,003	-2,55	1,2	0
м	0,025	0,03	0,004	1,23	0,5	0,62
м'	0,007	0,004	0,002	-0,99	-0,1	0
н	0,040	0,022	0,005	-3,17	0,6	0
н'	0,024	0,01	0,004	-3,24	0,1	0
о	0,065	0,043	0,006	-3,08	1,4	0
ó	0,034	0,028	0,005	-1,21	1,4	0
п	0,020	0,028	0,004	2,26	-0,5	-1,13
п'	0,006	0,006	0,002	0,1	-0,6	0
р	0,024	0,024	0,004	0,22	0,1	0
р'	0,014	0,017	0,003	0,95	0,4	0
с	0,032	0,019	0,005	-2,54	-0,6	0
с'	0,017	0,014	0,003	-0,82	-0,8	0
т	0,055	0,045	0,006	-1,53	0	0
т'	0,020	0,013	0,004	-1,72	-0,3	0
у	0,017	0,025	0,003	2,34	0	0
ý	0,013	0,012	0,003	-0,07	0	0
ф	0,002	0,0015	0,001	-0,35	-1	0
ф'	0,001	0	0,0008	-1,13	-1,2	0
х	0,008	0,007	0,002	-0,08	-1,1	0
х'	0,001	0	0,0008	-1,13	-1,3	0
ц	0,004	0,006	0,002	1,26	-1	-1,26
ч	0,020	0,012	0,004	-1,92	0	0
ш	0,012	0,002	0,003	-3,17	-1	0
щ	0,003	0,0007	0,001	-1,45	-0,5	0
ы	0,015	0,022	0,003	2,34	-0,6	-1,4
Ы	0,009	0,018	0,002	3,6	-0,6	-2,16
э	0,000	0	0,0003	-0,42	1	0
э'	0,002	0	0,001	-1,5	1	0
ю	0,007	0,0007	0,002	-2,67	1,2	0
Ю	0,002	0	0,001	-1,73	1,2	0
я	0,011	0,012	0,003	0,51	1,2	0

я	0,010	0,029	0,003	6,73	1,2	8,08
Суммарный показатель						+27,82

Результаты показывают, что суммарный показатель участия признака «хороший» в создании общей фонетической значимости текста «Граница» составляет 27,82.

Табл.2. Выбор признака «хороший» для песни «18 мне уже»

Звукобуквы	Нормальная частотность звукобукв	Текстовая частотность звукобукв	σ	Величина отклонений частотностей звукобукв от нормы	Величина отклонений значимости звукобукв от нейтральной точки шкалы	Вклад каждой звукобуквы в общий звуковой тон песни
а	0,037	0,033	0,005	-0,57	1,5	0
á	0,037	0,042	0,005	1,04	1,5	1,56
б	0,013	0,003	0,003	-2,9	0,6	0
б'	0,005	0,008	0,002	1,62	0	0
в	0,028	0,024	0,004	-0,86	0,1	0
в'	0,011	0,012	0,003	0,53	-0,4	0
г	0,012	0,003	0,003	-2,86	-0,2	0
г'	0,003	0	0,001	-1,96	-0,6	0
д	0,020	0,009	0,004	-2,7	0,6	0
д'	0,017	0,014	0,003	-0,62	0,2	0
е	0,051	0,048	0,006	-0,38	1,1	0
é	0,029	0,049	0,004	4,47	1,1	4,92
ё	0,007	0,002	0,002	-2,07	0,7	0
ж	0,008	0,01	0,002	0,95	-0,7	0
з	0,013	0,03	0,003	6,42	-0,1	-0,64
з'	0,002	0,007	0,001	4,52	-0,4	-1,81
и	0,041	0,022	0,005	-3,41	1,3	0
й	0,021	0,022	0,004	0,36	1,3	0
й'	0,020	0,03	0,004	2,55	0,1	0,25
к	0,030	0,01	0,005	-4,005	0	0
к'	0,003	0,001	0,001	-1,24	-0,7	0
л	0,020	0,019	0,004	-0,22	0,9	0
л'	0,017	0,005	0,003	-3,34	1,2	0
м	0,025	0,02	0,004	-0,97	0,5	0
м'	0,007	0,017	0,002	4,5	-0,1	-0,45
н	0,040	0,008	0,005	-5,71	0,6	0
н'	0,024	0,029	0,004	1,28	0,1	0,12
о	0,065	0,039	0,006	-3,63	1,4	0
ó	0,034	0,03	0,005	-0,71	1,4	0

п	0,020	0,006	0,003	-3,44	-0,5	0
п'	0,006	0,0005	0,002	-2,52	-0,6	0
р	0,024	0,019	0,004	-1,14	0,1	0
р'	0,014	0,016	0,003	0,89	0,4	0
с	0,032	0,025	0,005	-1,28	-0,6	0
с'	0,017	0,009	0,003	-1,98	-0,8	0
т	0,055	0,02	0,006	-5,46	0	0
т'	0,020	0,005	0,004	-3,71	-0,3	0
у	0,017	0,02	0,003	0,97	0	0
у́	0,013	0,03	0,003	6,06	0	0
ф	0,002	0	0,001	-1,6	-1	0
ф'	0,001	0	0,001	-1,13	-1,2	0
х	0,008	0,004	0,002	-1,45	-1,1	0
х'	0,001	0	0,001	-1,13	-1,3	0
ц	0,004	0,015	0,002	6,4	-1	-6,4
ч	0,020	0,003	0,004	-4,41	0	0
ш	0,012	0,003	0,003	-2,86	-1	0
щ	0,003	0	0,0015	-1,96	-0,5	0
ы	0,015	0	0,003	-4,37	-0,6	0
ы́	0,009	0,009	0,002	0,26	-0,6	0
э	0,000	0	0,0003	-0,42	1	0
э́	0,002	0,001	0,001	-0,57	1	0
ю	0,007	0,001	0,002	-2,53	1,2	0
ю́	0,002	0	0,001	-1,73	1,2	0
я	0,011	0,01	0,003	-0,2	1,2	0
я́	0,010	0,04	0,003	10,92	1,2	13,1
Суммарный показатель						+10,65

Результаты данной таблицы свидетельствуют о том, что суммарный показатель участия признака «хороший» в создании фоносемантической значимости текста «18 мне уже» – 10,7.

Результаты сравнения двух песен показывают, что и конструктивные, и деструктивные по своим установкам песни в фоносемантическом плане могут выглядеть как «хорошие» (хотя это «хорошее» может быть выражено в различной степени). Деструктивный текст песни своим фоносемантическим ореолом как бы мимикрирует под конструктивную песню. Насколько данное наблюдение верно в целом и по отношению к другим конструктивным и деструктивным текстам песен, требуется специальное исследование, что и составит предмет наших дальнейших изысканий.

Литература

Журавлёв А.П. Фонетическое значение. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974. 159 с.

Журавлёв А.П. Звук и смысл. Кн. для внеклас. чтения учащихся старших классов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. 160 с: ил.

Козлов В.В. Работа с кризисной личностью: метод. пособие. – 2-е изд. доп. – М.: Психотерапия, 2007. 336 с. (Советы психолога)

Музыкальная энциклопедия: в 6 томах / Редакционная коллегия: В. А. Белый, В. С. Виноградов, Л. В. Данилевич, М. С. Друскин, О. Е. Левашева, И. И. Моравек, В. В. Протопопов, И. М. Ямпольский, Б. М. Ярустовский. – М.: Советская энциклопедия, 1976. 552 с.

Полежаева А.Н. Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2011. 206 с.

Пузырёв А.В. Об одной из важнейших проблем психологии, не вошедших в вузовские учебники. Материалы 6-ой Всероссийской научной конференции «Язык и мышление»: Психологический и лингвистический аспекты / Отв.ред.проф. А.В.Пузырёв. – М.; Ульяновск: Ин-т языкознания РАН; Ульяновский гос.ун-т, 2006. С. 85-100.

Пузырёв А.В. Направленность хитовых песен радиостанций Европа+, Русское радио, радио DFM и Love Radio в 2012 г. // Язык и мышление поэта и писателя: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 15-18 мая 2013 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.: Институт языкознания РАН; Институт русского языка РАН; Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2013. С. 54-62 (совм. со студ. Е.П.Борисовой и А.Г.Морозовой).

Пузырёв А.В. О системном подходе в лингвистике: учебное пособие для студентов филологических специальностей. – М.: ВНИИГеосистем, 2014. 520 с. (серия «Библиотека духовной культуры», вып.47)

Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1989. 448 с.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э. Телятниковой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 635, [5] с. – (Philosophy)

*Канд. филол. н. О.Г.Мукина (Ульяновск)
mukina_o@mail.ru*

ИДИОСТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ АССОЦИИРОВАННОСТИ ЦВЕТА И ЗВУКА («ЦВЕТНОЙ СЛУХ»)

Явление синестезии относится к наиболее интересным феноменам и находится в центре внимания исследователей в русле таких вопросов гуманитарного знания, как язык и мышление, разум и эмоции, формирование образа мира и образов сознания и многих других, однако область изучения синестезии на уровне звука относится к числу малоизученных.

Свое внимание мы хотим обратить на проблему ассоциированности цвета и звука («цветной слух»), издавна привлекающую к себе внимание философов и поэтов, психологов и лингвистов, а в современном мире – и специалистов по массовой коммуникации, рекламистов и маркетологов и др.

Выражение «цветной слух» (color hearing) впервые появилось в журнале London Medical Record в 1881 г., во Франции (audition coloree) предложено в 1882 г. Pedrono Nantes; в 1890 г. уже было принято международным психофизиологическим конгрессом как общее название активно исследуемой в то время

устойчивой связи между ощущениями различных чувств [Пузырев, 1984, с. 81].

Такой тип синестетического словосочетания, как «слух+зрение» активно используется поэтами как XIX-XX столетий:

Воскреснув в крике хоровом,
Она, веселая лицом,
С ним *голос яркий* согласила.
[Баратынский, 1989, т.2, с.99]

По дороге голосисто
Раздается *яркий звон*,
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.
[Вяземский, 1978, т.1, с.151]

Бездыханный покой очарован.
Несказанная боль улеглась.
И над миром, холодом скован,
Пролился *звонко-синий час*.
[Блок, 1955, т.2, с.15]

Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе холодное кипенье
И сирени *шелест голубой*.
[Есенин, 1970, т.2, с.324]

Хотелось бы обратить более пристальное внимание на синестезию образного ряда К.Бальмонта, являющуюся характерной чертой идиостиля поэта. Каждый художник слова по-разному использует богатый арсенал приёмов в зависимости от конкретной прагматической установки, задачи воздействия звуковыми и иными средствами, способности уловить тонкие нюансы разных сенсорных систем и мн. др. Но, как утверждает Л.П. Прокофьева [Прокофьева, 2007, с.231], есть общая идея синестетизма, поэтически выраженная К. Бальмонтом: «Сочетать игру звуков с игрою светов всегда – не должно, сочетать её с игрою светов на священном празднике – необходимо». В поэзии глубинные языковые связи выявляют свою знаковую сущность регулярно и закономерно, а характер их проявления и своеобразие взаимодействия с эстетическими задачами автора и составляют Идиостиль [Там же. С.231].

К.Бальмонт широко известен как «поэт приёма» – «повышенное внимание к звуковой форме стиха, музыкальность бальмонтских «стозвучных песен» явили собой своеобразный переход от поэзии чувства, разума к поэзии впечатлений и эмоций» [Прокофьева, 2007, с.232]:

Солнце *светит звонами*,
Листьями зелеными,
Дышит вешним пеньем птиц,

Дышит смехом юных лиц.

[Бальмонт, 1991, т.1, с.93]

Если же обратить внимание на произведение *И.Северянина* «Бизе» из цикла «Медальоны», в котором представлена яркая картина, иллюстрирующая процесс полирецепторного восприятия окружающей действительности:

Искателям жемчужин здесь простор:
Ведь что ни такт – троякий цвет жемчужин.
То розовым мой слух обезоружен,
То черный власть над слухом распростер.
То серым, что **пронзительно остёр**,
Растроган слух и сладко онедужен,
Он греет нас...

[Северянин 1989, т.1, с.107]

По мнению А.Бергсона, музыка не просто отражается, но и воспринимается автором через зрительно-звуковые образы. «Серый» у И.Северянина «пронзительно остёр», то есть ощущается очень конкретно, вещественно. Цвет имеет звуковые («пронзительно») и пространственные характеристики («остёр»). И «остро», то есть почти больно глазам автора. Происходит раскрытие темы («троякий цвет»), заданной во второй строке. Синестезия усиливается субстантивацией прилагательных – «розовый», «чёрный», «серый». Цвет является фактически активным действующим субъектом (несмотря на то, что «розовым» и «серым» выступают в функции дополнения и стоят в творительном падеже). Повторяющийся союз «то» выражает переливы, перетекания, смену цветовой гаммы (А. Бергсон «Творческая эволюция» // [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://bergson-a.megalib.ru/megadate/bergson/1.html>).

Формируется звуко-цветовая картина мира писателя – фрагмент его общей поэтической картины мира; отраженное в идиостиле совокупное представление субъекта о мире звука и цвета; поэт создаёт собственный мир, не менее реальный, чем окружающая его действительность. Можно с полной уверенностью утверждать, что синестезия является неотъемлемой частью идиостиля автора, приметой своеобразия индивидуального слога и определяет специфику образности поэтов.

Литература

[Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://bergson-a.megalib.ru/megadate/bergson/1.html>).

Бальмонт, К. Д. Собрание сочинений [Текст] : в 2 т. / К. Д. Бальмонт. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1991.

Баратынский, Е. А. Полное собрание стихотворений [Текст] / Е. А. Баратынский. – Л. : Сов. писатель, 1989. – 464 с., 9 ил. – (Б-ка поэта. Большая серия).

Блок, А. А. Полное собрание сочинений [Текст] : в 6 т. / А. А. Блок ; ред. кол. М. Дудин [и др.] ; худож. оформ. Н. Нефедова. – Л. : Худож. лит., 1955.

Вяземский, П. А. Собрание сочинений [Текст] : в 2 т. / П. А. Вяземский. – М. : Худож. лит., 1978.

Есенин, С. А. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. / С. А. Есенин. – М. : Худож. лит., 1977.

Прокофьева, Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное [Текст] / Л. П. Прокофьева. – Саратов : изд-во Саратовского медицинского ун-та, 2007. – 280 с.

Пузырёв, А. В. Влияние звуковых повторов стиха на семантику собственных имён [Текст] / А. В. Пузырев // Поэтика и стиховедение. – Рязань, 1984. – С.77-86.

Северянин, И. Стихотворения и поэмы, 1918-1941 [Текст] / И. Северянин ; сост., послесл. и примеч. Ю. Шумакова. – М. : Современник, 1990. – 493 с.

*Канд. филол. н. Е.А. Шамина (Санкт-Петербург)
elena_shamina@hotmail.com*

СООТНОШЕНИЕ ПЕРВИЧНОЙ И ВТОРИЧНОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ В ИСКУССТВЕННОМ ЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА

В случае если автор литературного произведения изобретает искусственный язык для своего персонажа и не снабжает книгу глоссарием или подробным описанием грамматической структуры и вокубуляра, то элементы этого языка должны быть мотивированы таким образом, чтобы быть понятными для читателя. Анализ литературных неологизмов из сказки Р. Дала “The BFG” [Dahl, 1982] подтверждает данное предположение. Понимание речи одного из главных персонажей – доброго великана, говорящего на особом языке, – не вызывает затруднений, так как демонстрирует наличие элементов первичной и вторичной мотивированности.

Синтаксис, морфология и фонетика великанского языка мотивированы вторично, а именно соответствующими закономерностями английского языка. Небольшие нарушения грамматической (*Just because I is a giant, you think I is a man-gobbling cannybull*) и фонотактической (*scrumdiddlyumptious* ‘очень вкусный’) нормы и отклонения от стандартного правописания (*vegittibles* вместо *vegetables*) делают речь персонажа индивидуальной, отличной от речи других героев книги и, вполне возможно, подготавливают читателя к восприятию необычных слов из его лексикона.

Словообразовательный анализ неологизмов показывает, что при их создании применяются как типичные для нормативного английского языка приемы (аффиксация: *venomsome* ‘ядовитый’, *whooshey* ‘пахучий’; словосложение: *child-chewer* ‘пожиратель детей’, *wonderveg* ‘чудо-овощ’), так и экспрессивные. Самым востребованным способом словообразования при этом оказывается словослияние: *snozzcumber* < *snot/snooze/schnoz* + *cucumber* ‘отвратительная еда’; *swobble* < *swallow* + *gobble* ‘есть, жрать’; *glubbage* < *glob/glop/glut* + *rubbish* + *garbage* ‘невкусная еда’. Следует признать, однако, что далеко не во всех случаях можно утверждать, что имеет место именно словослияние, неологизмы могут быть мотивированы примарно.

Под первичной мотивированностью понимается фонетическая мотивированность, когда звуковая форма слова неконвенциональным образом коррелирует с его значением. Рассмотрение литературных неологизмов из сказки Р. Дала наглядно доказывает наличие первичной мотивированности в обозначениях размера, итеративности, эмоционального отношения, а также в звукоподражаниях [Шамина, 2015]. Анализ звуковой формы слов великанского языка из тематической группы 'еда' подтверждает данное утверждение. Всего в тексте сказки было обнаружено 47 лексических единиц этой семантики (см. примеры выше).

Отобранные лексемы следует признать интракинесизмами, в соответствии с классификацией С.В.Воронина [Воронин, 1982, с. 90 – 92]. Они объединяют черты звукоподражания, так как имитируют звуки, сопровождающие процесс еды (жевание, глотание, чавканье и пр.) и звуко-символизма, так как указывают при помощи звуков, производимых в той или иной части артикуляционного аппарата, на путь, который проходит пища от ложки до желудка. Следует ожидать, что в звуковой состав таких неологизмов будут входить, в качестве звуковых жестов, губные согласные и огубленные гласные, указывающие на губы как начало этого пути, переднеязычный сонант /l/, указывающий на работу языка (лизание, лакание), и заднеязычные согласные, имплицитно указывающие на горло, а также переднеязычный шумный щелевой /s/ для обозначения всасывания. В самом деле, доля указанных фонем в звуковой форме изучаемых единиц существенно превышает нормативную (данные о частотности фонем в английской речи см. [Шамина, 1989]): губных согласных – в 1,7 раза, в основном за счет /p/, чья частотность оказывается выше в 5 раз, /s/ – в 2 раза, /l/ – более, чем в 3 раза, а /g/ – в 7 раз. Доля огубленных гласных составляет 60 % от общего числа гласных фонем в звуковом составе рассматриваемой категории слов, при этом самыми частотными являются /v/ и /ʌ/, превышающие ожидание в 10 и 7 раз, соответственно.

Список литературы

Воронин С.В. Основы фоносемантики. Ленинград: изд-во ЛГУ, 1982.

Шамина Е.А. Дистрибуция лабиальных в фонетическом и фоносемантическом отношении: автореф.канд.дис. Ленинград, 1989.

Шамина Е.А. Фонетическая мотивированность как основание литературного словотворчества (на материале сказки Р. Дала "The BFG") // Теоретическая и прикладная лингвистика, Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, Вып.1, № 4, 2015, стр.85 – 98.

Dahl, R. The BFG. London: Penguin Books, 1982.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Общетеоретические проблемы фоносемантики ...	7
Проблемы фоносемантики в онто- и филогенетическом аспектах	7
<i>Канд. филол. н. Д.Н.Байгутова, канд. пед. н. Г.А.Темирбекова (Казахстан, Шымкент)</i>	
РИТМИКО-ИНТОНАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА КАК ЭЛЕМЕНТ ФОНОСТИЛИСТИКИ.....	7
<i>Канд. филол. наук Л.И. Батурина (Recife, Brazil)</i>	
ФОНОСЕМАНТИКА ДЕТСКИХ И ЭМИГРАНТСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ.....	9
<i>Д.ф.н. М.А.Венгранович (Тольятти), д.ф.н. Л.П.Прокофьева (Саратов)</i>	
ВОСПРИЯТИЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА КАК ПРОБЛЕМА ФОНОСЕМАНТИКИ.....	15
<i>Аспирант Н.И. Думнова, канд. психол.н. Д.В. Солдатов (Орехово-Зуево)</i>	
О ЗВУКОВОМ СИМВОЛИЗМЕ У ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ	17
<i>И.И. Зорина (Ульяновск)</i>	
ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ НАРОДНЫХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ.....	20
Логико-структурные аспекты фоносемантики	30
<i>Докт. филол. наук О. И. Бродович (Санкт-Петербург)</i>	
ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ С.В.ВОРОНИНА	30
<i>Докт. филол. н. С.В.Воронин</i>	
ИНТРАСИНТАГМА В ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА	31
<i>Докт. филол. наук, канд. психол. наук А.В.Пузырёв (Орехово-Зуево)</i>	
АНАФОНΙΑ КАК ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО В ПЯТИ СТУПЕНЯХ СУЩНОСТИ ЯЗЫКА	34
<i>Доктор филол. наук С. Л. Сахно (Париж)</i>	
ПОЧЕМУ МИР-Н-ЫЙ, МИР-ОВ-ОЙ, МИР-СК-ОЙ ? СУФФИКСАЦИЯ РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФОНОСЕМАНТИКИ	51
<i>Канд. филол. н. М.А. Флакман (Санкт-Петербург)</i>	
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКА.....	53
<i>Канд. филол. наук О.В. Шестакова (Пермь)</i>	
ЗВУКИ ВОДЫ В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА	54

Функциональные аспекты фоносемантики	57
<i>А. Д. Гимаева</i>	
МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (На примере звуковых продлений).....	57
<i>Доктор социологии Луиз Дрисс (Кенитра, Марокко), канд. филол. наук И.И. Ковалевская (Орехово-Зуево)</i>	
МНОГОЯЗЫЧИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ЯЗЫКАМИ	63
<i>Канд. пед. наук Н.В.Шишонина (пос.Электроизолитор Моск. обл.)</i>	
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ БЕГЛОГО /Ә/ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	65
Проблемы фоносемантики художественной речи	68
<i>Канд. филол.н. Е.И.Беседина (Санкт-Петербург), канд.филол. н. Н.Н.Ноланд (Хьюстон, США)</i>	
ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ ДЖ.К.РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И КУБОК ОГНЯ»: ИДИОСТИЛЕВОЙ АСПЕКТ	68
<i>И.В.Крашенинникова (Ульяновск)</i>	
ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ «ХОРОШИЙ-ПЛОХОЙ» В КОНСТРУКТИВНОМ И ДЕСТРУКТИВНОМ ТЕКСТАХ ПЕСЕН	70
<i>Канд. филол. н. О.Г.Мукина (Ульяновск)</i>	
ИДИОСТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ АССОЦИИРОВАННОСТИ ЦВЕТА И ЗВУКА («ЦВЕТНОЙ СЛУХ»)	79
<i>Канд. филол. н. Е.А. Шамина (Санкт-Петербург)</i>	
СООТНОШЕНИЕ ПЕРВИЧНОЙ И ВТОРИЧНОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ В ИСКУССТВЕННОМ ЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА	82
Оглавление	84

Научное издание

Проблемы фоносемантики:
Материалы Международного научного семинара
(Орехово-Зуево, 23-25 ноября 2016 г.)

Ответственный редактор *А.В. Пузырёв*
e-mail: puzyrev-a-v@yandex.ru

Печатается в авторской редакции

Электронный набор *А.В. Владимиров*
Компьютерная вёрстка *А.В. Владимиров*

Подписано в печать 14.11.16.
Формат 60x84/16.
Уч.-изд. л. 4,7. Усл. печ. л. 5,0.
Тираж 100 экз. Заказ 01.05.16

Отпечатано с готового оригинал-макета
в РПК «Гранд»
Адрес: 142605, Россия, г. Орехово-Зуево, ул. Ленина, 99.
Тел. (8496)413-71-17.